

18+

ТЕМНОЕ *Искушение*

ОН ДОЛЖЕН БЫЛ СПАСТИ ЕЕ,
НО ОКАЗАЛСЯ САМИМ ДЬЯВОЛОМ.

ДАНИЭЛЬ ЛОРИ

Love & Mafia

Даниэль Лори

Темное искушение

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Лори Д.

Темное искушение / Д. Лори — «Издательство АСТ»,
2019 — (Love & Mafia)

ISBN 978-5-17-152404-3

Гадалка однажды сказала Миле, что она встретит мужчину, из-за которого забудет, как дышать. Но Мила всегда была хорошей девочкой: встречалась с правильными парнями и никогда не задавала лишних вопросов. Ни о том, куда пропал ее отец, ни о том, почему он так против того, чтобы она вернулась на родину. Правила душат Милу, поэтому она решает сделать то, что всегда хотела. Влюбляться не входит в ее планы. Особенно в состоятельного мужчину с татуировками на руках и секретами в бездонных глазах. Он ласков с ней... поначалу. Но очень скоро его ласка превращается в грубую хватку, заглушающую крики. Месть – это блюдо, которое подают холодным. К сожалению, нет ничего холоднее русской зимы, и вскоре Мила понимает, что единственный способ сбежать – это растопить сердце своего похитителя.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-152404-3

© Лори Д., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Часть I	6
Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	17
Глава четвертая	21
Глава пятая	27
Глава шестая	32
Глава седьмая	36
Глава восьмая	41
Глава девятая	49
Глава десятая	57
Глава одиннадцатая	64
Часть II	67
Глава двенадцатая	67
Глава тринадцатая	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Даниэль Лори

Темное искушение

Моей матери – самой сильной женщине из всех, кого я знаю

Danielle Lori

The Darkest Temptation

Печатается с разрешения литературного агентства Danielle Lori LLC

All rights reserved.

No part of this book may be reproduced or transmitted in any form without written consent of the author, except by a reviewer who may quote brief passages for review purposes only. This is a work of fiction. Names, characters, places, and incidents are used fictitiously and are a product of the author's imagination.

Copyright © Danielle Lori, 2019

© Болдырева Н., перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Плейлист

Cry Like Me – Frances

Creep – Radiohead

Slow Dance – AJ Mitchell

Trampoline – SHAED

Liar – Camila Cabello

Cold Little Heart – Michael Kiwanuka

I See Red – Everybody Loves – an Outlaw

Señorita – Shawn Mendes – and Camila Cabello

Girl – Maren Morris

Someone You Loved – Lewis Capaldi

La Land – Bryce Vine

Dance Monkey – Tones and I

Часть I

Дьявол всегда был и остается джентльменом.
— Диана Лавей —

Глава первая

fernweh (суц.) – тяга к дальним странствиям

Мила

Задыхаясь от бега, я сбросила туфли на траву и, не останавливаясь, босиком шла по нашей ухоженной лужайке, пока не выбралась на каменистую набережную и не почувствовала, как прохладные волны ласкают пальцы ног и подол вечернего платья. Я тяжело дышала, пот блестел на коже под полной луной. Легкий ветерок трепал мои длинные волосы, шелестел пальмовыми листьями и короткими кружевными рукавами платья, но этот рай стеснял меня так же сильно, как поясok «Диор» на талии.

Девятикилометровой пробежки оказалось недостаточно, чтобы избавиться от жгучего чувства, разгорающегося внутри, хотя море, как всегда, сдерживало меня. У меня чесались руки стянуть жемчуг с шеи, разорвать в клочья платье, как это сделали сестры Золушки, но это разрушило бы образ, который я поддерживала так долго, что уже не знала точно, что скрывается за ним. В итоге вместо этого я впиалась ногтями с французским маникюром в ладони.

Должно быть нечто большее, чем это. Больше, чем мир за воротами Причалов. Но желание чего-то иного, нежели жизнь в роскоши, раздуло искры вины у меня внутри. Глядя на залив Бискейн, широкую, бескрайнюю тропу, ведущую к безбрежному океану, я чувствовала себя такой же полудрейфующей-полунеподвижной, как буй, что покачивался на воде. Единственная разница заключалась в том, что я плыла по течению в море ожиданий.

Я закрыла глаза и мысленно произнесла: «*Je vais bien. Tu vas bien. Nous allons bien. Я в порядке. Ты в порядке. Мы в порядке.*».

Мне позволили побыть одной всего несколько секунд, прежде чем моей спины коснулся Иван. Он встал так, чтобы рукав его пиджака касался моей обнаженной руки.

— Ты не можешь убежать вот так, Мила. — Русский акцент и напряжение сделали его голос грубее.

Мне стало весело, когда я представила мрачного Ивана, преследующего меня по улицам Майами в деловом костюме, но веселье исчезло вместе со следующей волной, омывшей камни.

— Если будешь преследовать меня как маньяк, это кончится тем, что я в тебя влюблюсь, — сухо ответила я.

Он бросил на меня взгляд.

— Ты знаешь, что это моя работа.

Много лет назад папа привез Ивана из одной деловой поездки в Москву. Тринадцатилетняя я считала его, парня на восемь лет старше, самым красивым мальчиком, которого когда-либо видела. Я влюбилась в его акцент и плохое знание английского и унижалась, таскаясь за ним по нашему просторному дому в испанском колониальном стиле.

А теперь он преследует меня.

Одна рука в кармане брюк, другая протягивает маленькую бархатную коробочку.

— От твоего папы.

Я долго смотрела на коробку, прежде чем взять и открыть ее. Голубые серьги в форме сердца. Папа всегда говорил, что сердце у меня нараспашку. Камни были фальшивыми. Он знал, что я никогда не надену настоящие после того как увидела в подростковом возрасте фильм «Кровавый алмаз».

Это был не первый раз, когда он откупался подарками после того, как пропускал важное для меня событие. Вот только теперь я не могла больше отгонять это зарождающееся *подозрение*.

– Надеюсь, обошлось без растяжений, – говорю я.

Иван бросил на меня вопросительный взгляд.

– Тяжелая работа – рыться в папином ящике с подарками.

Вздыхнув, он провел пальцами по светлым волосам.

– Он заботится о тебе, Мила.

– Да уж, в последнее время он демонстрирует это весьма интересным образом.

– Он очень занят, – заметил Иван. – Ты это знаешь.

Я издала неопределенный звук. Мой папа, должно быть, занят сильнее, чем президент, раз не появлялся последние три месяца. Он пропустил два последних праздника, а теперь – мое двадцатилетие.

Каждый год мы обязательно отмечали мой день рождения за одним и тем же столом в одном и том же пятизвездочном ресторане. Папа заказывал стейк. Я улыбалась Энрике, владельцу и шеф-повару, который лично принимал наши заказы с самого моего детства, и меняла папин заказ на что-нибудь более полезное для сердца. Папа должен следить за холестерином. Я бы волновалась, он бы спорил. Но все равно бы сдался.

Сегодня я два часа просидела там с Иваном и своим безупречным отражением в фарфоровой тарелке. То есть до тех пор, пока торжество по поводу чьей-то годовщины за соседним столом не распространилось на все помещение, разбив мою решимость золотым конфетти. Иван болтал с официанткой в баре, когда я сбежала из ресторана и пробежала девять километров до дома.

– Он никогда не отсутствовал так долго, Иван. – Мой голос стих прежде, чем я сказала: «Что-то не так».

Как обычно, с его губ начали слетать одни и те же общие фразы: «*так сильно занят*», «*важная деловая встреча*», «*бла-бла-бла*». Я игнорировала его, наблюдая за одинокой чайкой, парящей над водой. Я завидовала ее крыльям и смелости выпрыгнуть из гнезда, еще не зная, что ты можешь летать. И вот я здесь, заточенная за золотыми воротами от «Диор» со страстным желанием получить папино одобрение.

Я не осознавала, что развернулась и пошла прочь, пока Иван не схватил меня за руку.

– Ты куда?

«Домой», было готово сорваться с уст, но прозвучало нечто совершенно иное, нечто, что потрясло даже меня:

– В Москву.

Действительно ли хладнокровный и собранный Иван Волков побледнел при одном лишь упоминании, или это было плодом моего разыгравшегося воображения? Он отпустил мою руку, его спокойствие приморозило меня к мокрому камню.

– В Москву, – медленно повторил он, будто ослышался.

Я вскинула бровь.

– Столицу России? Место, где я родилась? Там, где...

– *Замолчи*, – сказал он по-русски. – Зачем тебе в Москву?

– Папа теперь там практически живет. Ты же знаешь, он не следит за холестерином. Что, если он болен и не хочет, чтобы я знала?

– Клянусь, он не болен.

Увидев искренность в его глазах, я поверила ему. Это знание сняло часть груза с моих плеч, но добавило новый.

– А вдруг у него какие-то проблемы? – Я встречалась с некоторыми деловыми партнерами папы, и ни один из них не выглядел приятным.

– Чем *ты* можешь помочь ему, оказавшись там?

– Позвоню в полицию.

Иван не выглядел убежденным. Пристально посмотрев на меня несколько секунд, он перевел взгляд на залив и вздохнул. В этом вздохе звучала напряженная нотка, словно мысль о том, что я пойду в российскую полицию, одновременно и позабавила, и встревожила его.

Его взгляд вернулся ко мне. Казалось, он не заметил прилива, который промочил его итальянские туфли.

– Ты не знаешь, как там все устроено.

Мои пальцы крепче сжали коробку. Это было правдой только потому, что мне не давали ни капли свободы, но я промолчала.

– Осторожней, Иван, а то лопнешь от всей своей уверенности во мне.

Выражение его лица скорее свидетельствовало об обратном.

– На дворе январь.

– И что?

– Когда в прошлом году мы были в Аспене, ты жаловалась на холод. На улице было минус четыре.

– В минус четыре не холодно только эскимосам, – убежденно ответила я. – Как бы там ни было, я не настолько нежная. Не критически низкие температуры я переживу. – Это был наихудший момент для того, чтобы поднялся сильный ветер и подул холодный фронт с Атлантики. Я подавила дрожь... хотя, конечно же, Иван заметил.

Он снял свой пиджак, накинул его мне на плечи и заправил за ухо прядь моих светлых волос.

– Тебе двадцать. Тебе больше не нужно, чтобы папа держал тебя за руку.

Его слова задели, но я не считала, что прошу многого. Я просто не хотела сидеть у рождественской елки с ним и нашим поваром Борей, ведь им платили за то, чтобы быть со мной. Я не хотела чувствовать себя балериной из музыкальной шкатулки на моем комод, кружиться в изнуряющем бесконечном пируэте, лишь бы угодить тому, кто бросил меня.

Отчасти дело было даже не во всем этом.

– Как насчет твоего завтрашнего свидания?

– Я не хочу идти, – сказала я, отводя взгляд к заливу.

– Почему?

Я молчала, пытаюсь придумать разумный ответ. Иван решит, что я чокнулась, если скажу ему правду.

– Картер нравится твоему папе.

– Может, тогда им стоит встречаться.

– Мила, – строго сказал он.

Годами папа намекал, что был бы счастлив, если бы Картер стал его зятем. Уверена, что это только потому, что отец Картера являлся его деловым партнером и знаменитым адвокатом. Как всегда, я уступила папиной настойчивости, и вот уже шесть месяцев тянулись наши с Картером традиционные отношения.

– Завтра он задаст *тот самый вопрос*, да? – бесстрастно спросила я.

Нелепый вопрос, учитывая, что мы даже не были друг другу верны. Достаточно было заглянуть в TMZ, чтобы узнать, с кем спал двадцатипятилетний плеейбой Картер Кингстон. Но он пригласил меня в «Гранд», ресторан, известный предложениями руки и сердца. Скорее всего, его отец подтолкнул его к этой архаичной идее, так же как меня подталкивал мой.

Иван ничего не ответил, но его глаза сказали мне все, что я хотела знать.

Я кивнула, хотя мысль о том, чтобы сказать «да», о том, что я заставлю это слово слететь с моих губ, запирала меня в стеклянной коробке, где медленно заканчивался кислород, и я билась о стены, задыхаясь, кашляя и умоляя о воздухе.

Я подавила это чувство.

– Картер никуда не денется, когда я вернусь.

Иван молчал минуту, прежде чем выложить свой главный козырь.

– Ты знаешь, что твой папа это не одобрит.

Я прикусила губу. Раньше, когда я просила папу сопровождать его в одной из деловых поездок, он отказывался. Но даже в детстве я замечала в его глазах нечто, искру, говорившую «нет» громче, чем если бы он выкрикнул это слово. Мне никогда, никогда не разрешалось даже упоминать Россию, это было совершенно ясно.

– Я знаю, но его здесь нет, ведь так?

– Ты не поедешь.

Я вытаращилась на него.

Иван мог иногда ворчать, но никогда не указывал мне, что я могу, а чего не могу делать. Ответы всегда были: «Да, Мила», «Конечно, Мила», «Как пожелаешь, Мила». Ребячество. Это был одурманенный, опоясанный мечом Уэстли моих мечтаний¹. То есть он никогда не говорил: «Нет, Мила». Ручаюсь, если бы я захотела ограбить банк, он без вопросов стал бы моим напарником. Естественно, потом он бы рассказал все моему папе, но все же надел бы балаклаву вместе со мной.

Подозрение, которое я подавляла с таким трудом, лопнуло, как воздушный шарик, схватив и сжав мое сердце. Что скрывает в России мой папа?

Другую семью?

Единственная мыслимая причина, по которой он мог скрывать от меня нечто таким образом, заключалась в том, что он не хотел, чтобы я присутствовала в их жизни. А следовательно, и в *его* – тоже.

«Je ne pleurerai pas. Tu ne pleureras pas. Nous ne pleurerons pas. Я не буду плакать. Ты не будешь плакать. Мы не будем плакать».

Спряжения подвели меня, и единственная досадная слеза скатилась по щеке. Иван приподнял мой подбородок, и мягкое прикосновение его большого пальца окутало меня теплом и удовлетворением. Что-то еще заполнило пространство между нами. Притяжение. Влечение. Электрический разряд. Иногда, когда мне особенно не хватало воздуха, искрило сильнее, чем в прочие дни.

Никто из нас никогда не поддавался этому.

Моим оправданием была гадалка, к которой я ходила, когда мне было четырнадцать. В этот весьма готичный период я спросила ее, каково мое предназначение. Она нахмурилась, сидя перед хрустальным шаром, а затем сказала, что я найду мужчину, предназначенного мне, и от него у меня перехватит дух. Это был размытый ответ, который она, вероятно, давала каждой, но я никогда о нем не забывала.

Рядом с Иваном дух у меня не перехватывало.

Как и рядом с Картером, несмотря на то что я от скуки экспериментировала с ним.

Не говоря уже о том, что он был невероятно настырным.

Мое время истекало, словно последние песчинки в песочных часах. И все же я ждала. *Большого*. Из-за какой-то глупой идеи, которую мадам Ричи вложила мне в голову.

Это было моим оправданием.

Теперь мне стало интересно, какое оправдание было у Ивана.

¹ Вероятно, отсылка к «Принцессе-невесте».

Я прижалась к большому пальцу, пробежавшему по моей щеке, и подняла на парня нежный взгляд.

– Почему ты никогда не целовал меня?

– Я не самоубийца, – невозмутимо ответил он.

Уголки моих губ приподнялись. Я никогда не слышала, чтобы мой папа повышал голос, и определенно он не повышал его на Ивана, который был ему практически как сын.

– А если серьезно?

Он мрачно взглянул на меня и опустил руку.

– Больше никаких разговоров о Москве, ладно?

Вздыхнув, я кивнула.

Затем проследила, как он идет по лужайке к дому. Мерное покачивание и простор вод Атлантики вселяли тоску и чувство отстраненности от остального мира.

Телефон завибрировал в кармане платья, возникло искушение проигнорировать сигнал, но я все же потянулась за ним.

«Папа: С днем рождения, ангел. Прости, что не приехал. Дела, как обычно. Отпразднуем, когда вернусь домой».

В этот момент пришло еще одно сообщение.

«Папа: Повеселись завтра. Картер тебе подходит».

Я положила телефон обратно в карман и сменила серьги на голубые синтетические бриллианты. Представила, как они сияют, словно «Сердце океана», пока море утаскивает меня на дно, навсегда избавляя от судорожных вздохов, жемчужных ожерелий и одиночества океана.

Это убедило меня. Завтра я буду в *России*.

Глава вторая

resfeber (суц.) – беспокойный стук сердца перед началом путешествия

Мила

Я утопала в куче одежды, богемной и светской.

Первую я чувствовала себя обязанной купить, но никогда не носила. Папа, казалось, безмолвно не одобрял все желтое и неконформистское, а я всерьез относилась к символу паники.

Очевидно, вплоть до текущего момента, когда начала упаковывать в старую спортивную сумку чирлидера вещи цветом ярче, чем солнце.

Я еще не вырвалась на свободу из Причалов, так что оделась соответствующе: свободная блузка, узкие брюки в клетку и белые ботильоны. Поймав свое отражение в зеркале, я увидела более высокую и менее розовую версию Элли Вудс из «Блондинки в законе», смотрящую на меня.

На пути к двери я остановилась расстегнуть жемчужное ожерелье и положить его в шкатулку с драгоценностями. Завела балерину, заставив ее сделать один пируэт, а затем спустилась на цыпочках по лестнице в три часа ночи.

Проходя мимо двери в спальню Ивана, я замерла, услышав из-за нее женский стон. Иван не был Дон Жуаном, но и монахом тоже не являлся. Иногда, когда папа был в отъезде, я спускалась к завтраку, чтобы обнаружить на кухне полуобнаженную женщину. Это никогда меня особо не трогало, моя детская влюбленность давно угасла, но сейчас в груди зажегся огонек неприятия.

Он даже не целовал меня раньше «под страхом смерти», а теперь матерится по-русски с какой-то случайной девицей? Хотя было то, что раздражало меня еще сильнее. Он настолько убежден, что я смиренная как овечка, что даже не удосужился усилить бдительность после нашего разговора.

Мои нервы были на пределе, когда я отключала сигнализацию, ожидая, что Боря услышит тихое «бип» и выйдет на звук. Я вздохнула с облегчением, когда никто не появился, но это был лишь первый шаг к тому, чтобы выбраться отсюда. Я тихо закрыла входную дверь и прижалась к ней спиной, уставившись на датчик движения на потолке веранды. При активации включались ослепляющие огни, похожие на сонм ангелов, и раздавался пронзительный сигнал тревоги. Курьеры из служб доставки ненавидели нас.

Задержав дыхание и прижав сумку к груди, я ступила прямо под датчик, надеясь попасть в его слепую зону. Когда двор остался темным и тихим, меня прошиб холодный пот.

Опустившись на живот, я со своей сумкой неуклюже поползла к кустам, вспоминая путь, который нашла, когда была непослушным ребенком, играющим в Джеймса Бонда. Хотя тогда датчик представлялся мне лазером, который отрежет мне руку, если я его активирую. Теперь дыра в спине прожигало папино неодобрение, что, казалось, еще хуже.

Я вылезла по ту сторону кустов, встала, отряхнула брюки и побежала вниз по извилистой улице. Я сомневалась, что мое женское очарование позволит пройти ворота нашего частного района так, чтобы Карл, неряшливый пятничный ночной охранник, не предупредил отца или Ивана, так что я свернула к заднему двору, перекинула сумку через железный забор и перелезла через него.

Вытащив из сумки телефон, я зашла в «Блаблакар». Это было самое долгое трехминутное ожидание в моей жизни. Сердце стучало не в такт в ожидании Ивана, бегущего за мной с расстегнутыми штанами, или крайне неодобрительного звонка от папы. Но не случилось ни того, ни другого. Ни до того, как меня подобрал водитель, ни после того, как он высадил меня у аэропорта.

Неопределенность скручивала мои нервы в узел, пока я наблюдала суету на земле и оживление в воздухе. Казалось, все знают, куда они направляются, их глаза горели мечтами об отпуске и свободе. Я чувствовала себя не в своей тарелке. Никогда раньше мне не приходилось нести свою сумку, не говоря уже о том, чтобы путешествовать в одиночку, но решимость подтолкнула меня к кассе.

К счастью, благодаря в последнюю минуту отмененному бронированию и тому, что *дове- рявший* мне папа недавно пополнил мой банковский счет ежемесячной солидной суммой, я получила последнее оставшееся в самолете место, оказавшись зажатой между двумя мальчи- ками, переругивавшимися по-русски и кидавшимися друг в друга арахисом. Я понятия не имела, где их мать, но была почти уверена, что это женщина с другой стороны прохода, при- творяющаяся, будто их не существует.

Ночные огни Майами исчезли из виду, оранжевое свечение растворилось в темной бур- ной воде. Я бездумно прокрутила пару фильмов для семейного просмотра, приняв в расчет возраст своих соседей, хотя на их экранах все взрывалось с невероятной силой.

Через двенадцать часов мы приземлились в Москве.

Выйдя из самолета на холодный трап, я вздрогнула. Вдох. Выдох. Я видела облачка пара от дыхания. Никогда в жизни мне не было так холодно. Холод захватил мои легкие, забирая тепло ледяными пальцами. Если я хотела побывать на родине, стоило просто залезть в холо- дильник.

Когда я остановилась накинуть пальто, кто-то врезался мне в спину. Я обернулась, гото- вая извиниться, но маленькая старушка с чихуахуа в сетчатой ручной сумочке опередила меня.

– Прости меня, дорогая, – сказала она по-английски с британским акцентом, – я тебя не заметила.

– Нет, это вы меня извините. Это моя вина.

Она запахнула соболью шубу и склонила голову.

– Ты выглядишь очень знакомо. Мы не встречались раньше?

– Эм, не думаю.

– Хм... Я уверена, что видела тебя раньше. – Она задумчиво коснулась золотого ожере- лья. Затем ее осенила какая-то мысль. Мысль, которая заставила ее опустить руку на грудь и оглядеть меня с ног до головы, будто какую-то проститутку.

С каждой секундой это становилось все более и более странным, но прежде чем я успела что-то сказать, кто-то проехал мимо в инвалидной коляске, и крошечная собачка в сумке ста- рушки залаяла. Пока она пыталась успокоить маленького Руперта, я еще раз неловко извини- лась и быстро вышла.

На тротуаре у аэропорта развернула листок блокнота, который нашла в ящике папиного стола. Чувствуя себя Нэнси Дрю, посредством «Гугл Переводчика» выяснила, что русские каракули – это адрес дома и список счетов, которые он много лет оплачивал. Я надеялась, что это не тупик, потому что мне больше некуда было идти, а я не готова была так быстро при- ползти обратно к Ивану. Я протянула бумажку таксисту, не имея ни малейшего представления о том, как прочитать буквы иностранного алфавита. Таксист мрачно глянул на меня в зеркало заднего вида, удерживая зрительный контакт достаточно долго, чтобы по спине у меня пробе- жали мурашки.

Он провез меня мимо оживленного промышленного района в более тихий, с мощеными улочками и старыми частными домами, где припарковался у обочины перед домом цвета лайма с белыми ставнями.

– Пятьсот рублей, – сказал он по-русски.

Я заплатила ему деньгами, которые разменяла в аэропорту.

Выйдя из машины, я подхватила свою спортивную сумку и затянула потуже пояс пальто. Оно идеально подходило для прощального тура чирлидеров в Аспене в прошлом году, но недостаточно хорошо защищало мою кожу от колючего русского воздуха.

Замерзшие железные ворота заскрипели, когда я толкнула их. Я прошла по потрескавшемуся тротуару, обходя заледеневшие и засыпанные снегом участки, и постучала в дверь.

Пожилая женщина с седеющими светлыми волосами, собранными в пучок, открыла мгновение спустя. Она вытирала руки о фартук, поднимая взгляд на меня, и, пока смотрела, румянец сходил с ее розовых щек. Я открыла рот, чтобы что-то сказать, но не смогла вымолвить ни слова прежде, чем она захлопнула дверь у меня перед носом.

Я закрыла рот и почувствовала, что она стоит по ту сторону двери, прислонив ухо к двери, в ожидании, когда я уйду.

Когда я постучала снова, раздался глухой удар, после которого она крикнула что-то по-русски, но слова прозвучали слишком приглушенно, чтобы я могла что-то разобрать. Дверь снова открылась, и на этот раз в проеме появился худошавый джентльмен в черном полупальто. Он качал головой и что-то бормотал жене, явно полагая, что она сошла с ума. Она пряталась за ним, сжимая руками фартук.

Когда он увидел меня, замер, словно увидел призрака. Я заставила себя улыбнуться, сказав по-русски:

– Здравствуйте.

Женщина убежала.

– Я дочь Алексея Михайлова... Мила, – быстро продолжила я, надеясь, что он хоть немного понимает по-английски, потому что потерпела поражение в попытке овладеть собственным наследием.

От желания учить русский я отказалась много лет назад, так как папа постоянно говорил, что это пустая трата времени, поэтому я научилась лишь тому, что слышала от Ивана и Бори. Это включало в себя самые простые фразы, названия овощей и ругательства.

Тень облегчения промелькнула на лице пожилого мужчины, а затем он издал неловкий смешок.

– Конечно, конечно. Вы нас здорово напугали. – Он отступил и жестом пригласил меня внутрь. – Входите.

Сунув замерзшие руки в карманы, я вошла в дом и повернулась осмотреть прихожую. Замерла, когда заметила, как мужчина высунул голову и посмотрел по сторонам, прежде чем закрыть дверь. Стану ли я очередной убитой иностранкой, чье тело покажут в русском выпуске новостей?

– Не к добру это, – пробормотал он, качая головой и ковыляя мимо меня. – Вера, *кофе!* Мы пьем растворимый, надеюсь, вы не возражаете.

– Конечно, нет.

Я ненавидела кофе, но выпила бы пять кружек, если бы получила взамен пару ответов.

– Проходи, садись, девочка.

Я поставила сумку на пол и села на выцветший диван с цветочным принтом, а мужчина сел в кресло напротив. Потрескивающее пламя в камине наполняло комнату столь нужным теплом, а все полки были завалены книгами и безделушками. Комната казалась захлавленной, но уютной и обжитой.

Вера поставила две чашки кофе на деревянный столик между нами, взглянув на меня большими глазами, прежде чем исчезнуть из комнаты так быстро, будто за ней по пятам гнались адские гончие.

Я посмотрела ей вслед.

– Почему она боится меня?

Мужчина отмахнулся.

– Она суеверна.

– Не понимаю.

– Ты – копия Татьяны. Мы не знали, что у нее есть ребенок. Точнее, мы знали, но считали, что ты умерла вскоре после рождения. Проблемы с легкими, как сказал нам твой папа.

Я всегда знала, что моя мать умерла рано, но ее имя мне было известно лишь потому, что однажды, когда папа единственный раз в жизни напился, он сказал мне, что я слишком похожа на его Татьяну. Я часто задавалась вопросом, не потому ли по мере того, как я становилась старше, он проводил со мной все меньше времени.

– С легкими у меня все в порядке.

– Вижу, – сказал мужчина, хохотнув, и отпил кофе. – Что привело тебя в нашу глушь?

– У меня тут дело... в некотором роде.

Он неодобрительно хмыкнул.

– Ты такая же, как твоя мать. Разве не знаешь, что любопытство кошку сгубило? Кое-что лучше не знать.

За всю свою жизнь я не слышала столько о собственной матери, сколько услышала за последние пару минут. Наконец я получила кое-какие ответы. И, очевидно, еще больше вопросов.

– Зачем папа сказал вам, что я умерла?

Мужчина нахмурился.

– Разве это не очевидно?

Нет, это не было очевидно. Ничего в этом не было очевидным. Я открыла рот, чтобы задать новый вопрос...

– А теперь хватит об этом. Я думал, тебя послал твой отец, но теперь вижу, что это не так. – Он поставил свою чашку на стол. – Тебе пора. Это худший момент, чтобы прийти сюда одной.

Почему все считают, что мне нужна нянька?

– Со мной все будет в порядке. Я могу позаботиться о себе.

– Никто не знает, как защититься от *Дьявола*.

Дьявола?

– А теперь вставай. – Он поднялся, поморщившись и потеряв колено. – Я слишком люблю жизнь, чтобы укрывать тебя.

– Я не могу уйти вот так, – настаивала я, вставая. – Не знаю, с чего вы взяли, будто я тут незаконно, могу вас заверить, у меня есть все документы. – Я знала, что Россия – немного средневековая страна, но, боже, неужели тут действительно казнят за укрывательство безобидной девушки?

– Тьфу. Я не о властях, девочка, а о *дьяволе*.

Я уставилась на него, осознав, что, возможно, разговариваю с сумасшедшим.

– Я агностик, – ответила я.

Он покачал головой и что-то неразборчиво пробормотал.

Мой взгляд наткнулся на Веру, стоявшую в дверях и смотревшую на меня так, словно я была мебелью, которая вдруг начала ходить.

Они оба были чокнутыми.

Женщина уронила фартук, который мяла в руках, и снова исчезла. Наверное, пошла искать самый острый нож для разделки мяса.

– Ваша жена так боится меня лишь потому, что я похожа на свою мать?

Мужчина посмотрел на меня так, будто это я вела себя странно.

– Ты не просто похожа на свою мать. – Подойдя к камину, он снял белую ткань, закрывавшую висевший портрет. – Девочка, ты могла бы *быть* ею.

Женщина на портрете застыла во времени, опершись на рояль. Ее, должно быть, написали десятилетия назад, но она могла бы быть мной сегодняшней. Длинные светлые волосы, миндалевидная форма глаз, высокая элегантная фигура и алебастровая кожа, не поддающаяся загару.

Сходство было столь поразительным, что по рукам у меня побежали мурашки. Она выглядела так же, как я, хотя я ничего не знала о ней. Я смотрела на портрет, пока не прошло жжение в сердце и глазах.

– Она была красавица, скажу я тебе. – Он потер подбородок. – Но такая красота – и благословение, и проклятие... – Его глаза встретились с моими, что-то тяжелое и покорное читалось в них. – Всегда попадает не в те руки.

Дурное предчувствие пробежало у меня по спине. Мое сверхживое воображение нарисовало сцену: кричащая и брыкающаяся я и дьявол, тянущий меня в ад.

Я сглотнула ком в горле.

Мне показалось странным, что они хранили портрет моей матери, но накрывали его, словно в фильме ужасов. Хотя, может быть, Вера просто не любила вытирать пыль.

– Когда она умерла? – спросила я.

– Вскоре после твоего рождения, насколько я помню. Она заболела и не смогла оправиться. Это был ее дом. Твой папа не мог расстаться с ним, поэтому мы с Верой заботимся о нем.

– Мой отец не жил с ней?

Мужчина сокрушенно поджал губы.

– Нет, девочка, твой папа был женат.

Вот оно. Тайная семья.

Или, возможно, это я была тайной.

Поэтому он сказал, будто я умерла. Чтобы жить спокойной жизнью и я не мешалась под ногами?

Хотя я знала, что это неправда. Папа был дома чаще, чем в отъездах... по крайней мере, если не считать последний год.

Но знать, что он скрывал от меня нечто подобное, возможно, братьев и сестер, другую семью, с которой у меня не было шанса познакомиться... В груди кольнуло так сильно, что пришлось сосредоточиться на чем-то другом, иначе я бы задохнулась. Я заставила себя вновь взглянуть на картину, отметив платье, которое могло бы быть в моде и в восемнадцатом веке.

– Почему она так одета?

Мужчина вскинул брови.

– Ты не знаешь? Твоя мать была оперной певицей. Очень... любимой некогда. Люди помнят ее, поэтому ты должна вернуться домой. – Он подхватил мою сумку и принялся подталкивать меня к двери.

– Я даже не успела выпить кофе, – запротестовала я.

– Ты не хочешь кофе, ты хочешь тайны, которые я не могу тебе раскрыть. Возвращайся домой, где бы он ни был, и не возвращайся.

– Не знаете, где я могу найти своего папу?

– Вероятно, в Сибири, – пробормотал он, открывая дверь и впуская ледяной воздух.

Сибири?

- С чего бы ему быть в...
- Я не знаю ни где он, ни какой у него номер, иначе я бы уже предупредил его о твоём появлении. – Мужчина бросил мою сумку на порог.
- Вы уверены, что я не могу остаться тут?
- Мне нравится моя голова на плечах.
- Я моргнула.
- Это значит «нет»?
- Мужчина вытолкнул меня на холод.
- Погодите, – выдохнула я, резко развернувшись. – Вы можете вызвать мне такси?
- Он ослабился.
- С тем же успехом могу позвонить *Дьяволу*, чтобы подобрал тебя.
- Я уставилась на него, думая, что, возможно, мне не стоит есть местную пищу, видимо, от ее употребления люди ведут себя странно.
- Мужчина покачал головой.
- Ступай домой, Мила.
- Дверь захлопнулась у меня перед носом.

Глава третья

schlimazel (сиц.) – человек, которому хронически не везет

Мила

Когда мужчина запер засов, я задалась вопросом, что случилось со старым добрым русским гостеприимством. Они даже не предложили мне поесть. А ведь это почти *грех*. Вот что было бы, вырасти я в русской семье, несмотря на всю кажущуюся религиозность.

С тяжестью тайны отца, камнем лежащей на груди, и очевидным фактом, что мне здесь не рады, часть меня хотела прислушаться к совету и вернуться домой. Но если я вернусь сейчас...

Я стану мечтать.

Задаваться вопросами.

Влачить дальнейшее существование.

А я хотела для разнообразия *пожить*. Всего несколько дней. Прежде чем Причалы засосут меня обратно, в свою бесстрастную дыру. До того, как выйду замуж за Картера Кингстона, рожу ему пару-тройку детей и утону в социальных сетях, пастельных кардиганах и жемчужных ожерельях.

Железные ворота качались под ледяным ветром.

Скрип.

Клац.

Скрип.

Клац.

Я перекинула спортивную сумку через плечо, сунула онемевшие руки в карманы и пошла, надеясь найти хоть какой-нибудь транспорт. Было так холодно, что я села бы в такси, даже если бы за рулем был сам Дьявол.

Смена часовых поясов и недосып отдавали болью в мышцах. В самолете я спала не больше минуты, в основном из-за двух ужасных мальчиков, маленьких версий кроликов-энерджайзеров, сидевших рядом.

Выудив из кармана мобильный, я включила его впервые с тех пор, как приземлилась в Москве, и обнаружила тринадцать пропущенных звонков и пять голосовых сообщений от Ивана.

Кое-кто излишне драматичен.

Прочла сообщения от пары друзей и несколько – от Картера, подтверждающего наше свидание в восемь, вновь подтверждающего его и, после того как я не пришла, выражающего надежду на то, что все в порядке.

Я его подставила.

Я должна была чувствовать себя виноватой, но в груди было легко. Впервые за много лет мне стало легче дышать.

Наши отношения с Картером были дружескими, может быть, если бы я приложила чуточку усилий, даже мильми. Но когда доходило до дела, в последний раз, когда его губы были на моих, я прервала поцелуй, принявшись мысленно спрягать французские глаголы, которые учила для предстоявшего экзамена.

Папа не знал, что я проходила некоторые курсы онлайн. Он разозлился на мою просьбу о поступлении в колледж, то есть – уставился на меня так, будто я попросила о поездке в Северную Корею, а потом сказал «нет». Поэтому я решила, что лучше держать свои занятия в тайне.

Первые четыре голосовых сообщения от Ивана звучали вполне в его стиле – прямолинейно, подробно информируя меня о том, что он приземлится в Москве в три часа ночи, и требуя, чтобы я оставалась в своей комнате, пока он не вернется. Однако от пятого у меня волосы на затылке встали дыбом.

Он резко выдохнул, затем выругался, а в трубке послышался глухой удар, будто он обо что-то ударился.

«Поверить не могу, что ты это сделала. Ты ведь обещала, что не полетишь в Москву».

– Ничего я тебе не обещала, – пробормотала я про себя.

На мгновение воцарилась тишина, а затем его умоляющий тон стал холодным, даже жестким.

«Хочешь правду для разнообразия? Ладно. Если хочешь играть в игры и молчать о том, где ты, Мила... Я покойник».

Голос у него был слишком серьезен, я действительно поверила ему. По крайней мере, на мгновение. Конечно же, он не считал, что мой папа его *убьет*. Это больше походило на отчаянную попытку не дать мне узнать тайны семьи.

«Слишком поздно», – с горечью подумала я.

Но я была слабачкой, поэтому набрала его, чтобы оставить сообщение и избавить его от страданий, но поняла, что связи нет. Я подняла телефон выше, повертела его, использовала все известные трюки. Ничего. Моя сеть должна была бы работать тут, но я не предполагала, что связь будет такой ненадежной.

Со вздохом я опустила телефон в карман пальто. Затем, подняв взгляд, остановилась. Мои ботинки захрустели по гравию, когда я медленно обернулась. Солнце заходило, большей частью скрывшись за горизонтом. Меня окружали полуразрушенный частный сектор и несколько бетонных зданий.

Я потерялась.

Борясь с дрожью, я пошла дальше. Ветер свистел.

Тени становились темнее.

И мне вдруг ужасно захотелось к Ивану.

Мурашки пробежали по затылку и скользнули вниз по позвоночнику. Вдруг показалось, что за мной наблюдают. Я крепче сжала сумку, борясь с желанием оглянуться, но подозрение переросло в беспокойство, стиснувшее легкие, и я уже не могла противостоять порыву.

Мужчина – несомненно, судя по габаритам и развязности, – следовал за мной. Он был одет в джинсы и темное пальто, а его взгляд был прикован к черным перчаткам, которые он натягивал, хотя я каким-то образом знала, что все его внимание сосредоточено на мне.

С замершим сердцем я отвернулась.

Порыв ветра взметнул мой конский хвост, и вместе с ним в голове чернотой и мурашками по коже пронеслось: *«Дьявол»*.

Я бросила взгляд через плечо. С каждым шагом, который был гораздо больше, чем у меня, он подходил все ближе. Теперь, когда он находился уже всего лишь в нескольких метрах, я заметила шрам, пересекавший лицо от уха до подбородка. Последний луч солнца блеснул на ноже в его руках.

Вновь повернувшись лицом вперед, я смотрела, как мое дыхание вырывается облачками пара изо рта, тогда как кровь застывает в жилах. Когда в поле зрения появились припаркованные машины и свет из окон дома, я бросила сумку и побежала. На тренировках чирлидеров я была быстрее всех, но теперь звук шагов по бетону позади не отставал. Я бы не добежала до парадной двери, поэтому свернула к задней, моля о том, чтобы она не была заперта.

«Пожалуйста, будь открыта».

Я остановилась перед дверью, и в это мгновение одна из черных перчаток схватила мой конский хвост и потянула. Я закричала от боли и отлетела назад. Голова ударилась о мостовую, и перед глазами замелькал калейдоскоп огней.

Грубые руки вцепились в одежду.

– *Нет*, – простонала я, но сознание затягивало в липкую черную жижу, из которой я не могла выбраться. Боль и ледяной воздух окутали мое тело, выдергивая из темноты. Я с трудом открыла глаза.

Лицо со шрамом.

Темное пальто.

Обтянутые джинсой ноги, оседлавшие мои бедра.

– Нет!

Я боролась с его руками, но тело не слушалось. Голова, казалось, была расколота надвое.

Мужчина наполовину разорвал мою блузку.

– Прекрати, – всхлипнула я.

Он остановился.

Потребовалось мгновение, чтобы понять, что привлекло его внимание. Он взял ожерелье с морской звездой, лежавшее между моих грудей, и посмотрел на него ошарашенно... или *испуганно*. Как бы там ни было, я воспользовалась тем, что он отвлекся, чтобы ногтями пробороздить по шраму на его лице.

Мужчина отшатнулся, прикрыв рану рукой и зашипев:

– *Маленькая сука*.

Я выкарабкалась из-под него. Мужчина схватил меня за лодыжку, но я лягнула его другой ногой, ударив так, что он зарычал от боли.

С трудом поднявшись на ноги, я попыталась преодолеть накотившее головокружение, но не смогла удержаться. Моя потная рука нащупала дверную ручку. Дверь открылась, и я скользнула внутрь, тут же уткнувшись лицом во что-то твердое. Я врезалась в это – в *него* – так сильно, что от удара вылетел последний воздух из легких. Я завалилась назад, но, тихо выругавшись по-русски, мужчина обхватил меня за талию, не дав упасть.

Дверь захлопнулась со стуком, но порыв холодного ветра обозначил, что она снова открылась. Я вывернулась из рук мужчины и скользнула за него, ожидая увидеть лицо со шрамом, но это был всего лишь мальчик в белом фартуке и с ящиком спиртного.

– *Потребовалось всего три минуты, как я и сказал*. – Он рассмеялся. – *Андрей, ты должен мне...* – Он посмотрел на меня и замер, пробормотав: – Матерь божья.

Втянув в легкие воздух, я шагнула назад, чтобы оглядеться. Я потеряла пальто на улице, а блузка была разорвана настолько, что был виден белый кружевной бюстгалтер. Мои мысли тонули во всем этом настолько, что я даже не могла найти сил озаботиться тем, как выгляжу.

В комнате, освещенной одной слабой лампочкой, витал дым. Коробки заполняли полки, на полу валялись деревянные ящики, а трое мужчин сидели за складным столом, молча глядя на меня. Один жевал зубочистку, другой откинулся на спинку стула и поднес к губам сигарету. Его пиджак был небрежно распахнут, белая рубашка под ним – застегнута на все пуговицы, галстука не было.

Я закашлялась от дыма, спиралью клубившегося в воздухе.

– *Потуши сигарету*.

Требование прозвучало у меня из-за спины, от мужчины, в которого я врезалась: его русские слова ласкали мою спину отчего мне было одновременно жарко и холодно. Такой голос мог заставить девушку шагнуть во тьму.

Наклонившись, курильщик раздавил сигарету в пепельнице.

Все еще пытаюсь отдышаться, я обернулась.

Я была ростом метр семьдесят семь, но мои глаза были на уровне верхней пуговицы черной рубашки, обтягивавшей широкие плечи и накачанные руки.

Я подняла глаза.

И как раз перед тем, как головокружение охватило меня и утянуло во тьму, я подумала, что он красив.

Красив как грубые ладони, заглушающие крик, как преклонение перед королем, но больше всего... как *падший* ангел.

Глава четвертая

viridity (суц.) – наивная невинность

Мила

Голоса, говорившие по-русски: один – обеспокоенно, другой – хрипло и тихо, проникли в мое подсознание. Папа переходил на русский лишь когда приезжали русские гости, но почему они – в моей комнате?

Это было странно.

И грубо.

Я вздохнула, потянувшись, чтобы натянуть одеяло на голову и спрятаться от шума. Но моя рука скользнула по знакомому на ощупь пиджаку папы: шерсть с кашемиром. Но что-то было не так. Этот пиджак пах сосной и корицей с легкой примесью сигаретного дыма. Что-то очень не отцовское было в этом аромате, и именно это убедило меня открыть глаза.

Я застонала, когда голову пронзила резкая боль.

– Хорошо, что ты очнулась, – сказал седовласый мужчина, отодвигая кресло с высокой спинкой от большого письменного стола из красного дерева. Очки в квадратной оправе. Белая, застегнутая на все пуговицы рубашка. Черные брюки. Холодный пот прошиб меня, когда я увидела стетоскоп у него на шее.

Некоторым снятся кошмары о падении, о публичной наготы, о призраках. Мои кошмаром был нависающий надо мной врач. Они такие холодные и профессиональные, хлопают латексными перчатками, а в глазах у них – отблески крови и игл.

Боль в голове стучала в унисон с сердцем, когда я села на диване. Холодок ласкал мой голый живот, и я поняла, что пиджак отчасти прикрывал мою разорванную блузку. Я надела его и запахла.

Смятение затуманило мои мысли, когда я окинула взглядом хорошо обставленный кабинет, явно принадлежащий мужчине. У меня перехватило дыхание, когда я встретилась взглядом с мужчиной, прислонившимся к столу. Мужчина, с которым я столкнулась. Мужчина, которого я увидела перед тем, как упасть без чувств к его ногам.

Я вспомнила все.

Человек со шрамом.

Почти произошедшее *изнасилование*.

Все, о чем я могла думать в тот момент, было: «Москва – отстой». Темноволосый русский выдержал мой пристальный взгляд с отстраненным интересом. Я сглотнула и отвела взгляд, когда доктор поставил стул рядом со мной и сел. Я с опаской посмотрела на портфель рядом с ним, зная, что если он вытащит иглу, я выбегу на улицу.

Взглянув пристальнее, доктор помедлил и склонил голову набок.

– Ты выглядишь знакомо. Мы раньше не встречались?

Мысли тянулись как жвачка. Он говорил слишком быстро, чтобы я могла что-либо понять.

Врач поправил очки, рассматривая меня.

– Можешь сказать свое имя, дорогая?

Мне показалось, что он произнес слово «*имя*». Он спросил, как меня зовут? Я не была в этом уверена и лишь моргнула в ответ.

Он озабоченно нахмурился.

– Ты должен был отвезти ее в больницу.

Я разобрала лишь «больницу». Как бы там ни было, до меня дошло, что говорил он это не мне, а мужчине. Сложенному, словно кирпичная стена, судя по ощущениям, которые я получила, врезавшись в него.

На первый взгляд он выглядел джентльменом, членом совета директоров, поглядывающим на мир сверху вниз сквозь панорамные окна. Хотя, если присмотреться, все в нем: то, как он прислонился к столу, скрестив руки на груди, как тени играли в его глазах, как пальцы его были испятнаны чернилами – противоречило этому. В расслабленном положении его плеч чувствовалась мощная, может быть, даже опасная сила.

Он являл собой воплощение бога войны, одетый в дорогой черный костюм без галстука и пиджака. Я знала, что последний – сейчас у меня на плечах. Как будто почувствовав, что я наблюдаю за ним, мужчина посмотрел мне в глаза. Желание отвести взгляд было столь сильным, что возник зуд под кожей. Он ждал, что я так и сделаю. Хотя нечто чуждое и пронизательное заставило меня проявить упорство. Гляделки с ним казались смертельной игрой. Словно русская рулетка. Револьвер и одна пуля. Одно неверное моргание – и я буду мертва. Но это вызвало и прилив адреналина, такой же теплый – как полбутылки UV Blue и солнце Майами.

– *Попробуй по-английски*, – сказал он, не сводя с меня взгляда.

Врач нахмурился.

– Мой английский не так уж хорош.

Мужчина оттолкнулся от стола и подошел ближе, опустившись передо мной на корточки. Его брюки коснулись моих – в аккуратную клетку. Его черные ботинки с высокими носками контрастировали с моими белыми ботинками Rothy.

Он был хладнокровен и расчетлив, начиная от того, как двигался, и кончая тем, как смотрел на меня, хотя во взгляде его играло что-то живое. Глаза, как я теперь видела, были не черными, как мне показалось вначале, а очень, *очень* темно-синими. Темнее, чем камни в форме сердца в моих ушах.

Не знаю, то ли подействовало общее нервное возбуждение, то ли его близость, то ли результат удара по голове, но слова сорвались у меня с губ.

– Врезаться в вас очень неудобно. – Я сказала это настолько серьезно, как будто ему стоило подумать об этом.

– Приношу свои извинения. – В его голосе слышался русский акцент и оттенок веселья.

Я уставилась на его губы, на тонкий шрам на нижней и вслушалась в три хриплых слова, пролившихся с них, словно водка в стакан со льдом. Мне стало любопытно, как он заполучил этот шрам. Любопытно, был ли у его голоса вкус водки, обожжет ли он горло и согреет ли внутри? Я чувствовала себя... странно. Мои мысли, казалось, бесконтрольно ударялись о череп, словно шарик пинбола.

Я открыла рот, чтобы объяснить, но сказала лишь:

– Ты типичный русский.

Он провел подушечкой большого пальца по шраму на губе.

– Ты типичная американка.

Врач заерзал на стуле и заговорил, но я едва слышала его из-за оглушающего присутствия этого человека. Он был затмением, перекрывающим боль в моей голове, и, наверное, солнце. Хоть это и ошеломляло, но не было неприятно. Было тепло. Убедительно. Всеобъемлюще. Флеш-рояль в логове беззакония.

– Ты помнишь свое имя? – перевел он.

Я медленно кивнула.

– Мила... Мила Михайлова.

Доктор бросил осуждающий взгляд на мужчину, но тот то ли не заметил, то ли ему было все равно, потому что он не сводил с меня взгляда, и на лице его проявилось любопытство.

– А как зовут тебя? – спросила я, тихо вздохнув.

Он улыбнулся.

– Ронан.

Его имя тяжело висело в воздухе, пока врач не откашлялся и не сказал что-то, что я не смогла перевести.

– Какой сегодня день недели, Мила? – спросил Ронан.

– Я, э... пя...? – Я оборвала сама себя, когда он покачал головой с легким намеком на улыбку. Я попыталась снова. – Суббота?

Врач хмыкнул – очевидно, не впечатленный подсказкой. Неудивительно. У врачей нет чувства юмора.

– Сколько пальцев я показываю? – перевел Ронан.

Я уставилась на другую его руку, лежащую на колене, на татуировки между первым и вторым суставами. Одна изображала крест, другая – ворона. Третья – короля червей.

Чернила и дежавю.

Не знаю, что со мной было не так, но я не могла удержаться от того, чтобы коснуться их, провести указательным пальцем по ворону. Прошептала слова, вытесненные из глубин непреодолимой силой.

– *«Тьма – и больше ничего...»*

Цитата уплотнила пространство между нами, окунув во что-то густое и темное, словно деготь. Меня засосало обратно в туннель, где я читала Эдгара Алана По под письменным столом отца с грязью на лице и неровной челкой, которую обрезала сама. Папа разговаривал с мисс Мартой, моей воспитательницей, не зная, что я рядом. Он был обеспокоен моими воображаемыми друзьями и тем, что настоящих друзей у меня не было, моей замкнутостью и отсутствием интереса к школьным занятиям.

Он считал, что со мной что-то не так. Я тоже так думала.

Эти слова, произнесенные шепотом в коридоре, свернулись внутри меня, словно вонзившая клыки змея, с годами отравлявшая меня все сильнее. Яд направил меня на тропу войны за принятие.

Иногда нас нами делают мелочи.

Тяжелый сочувствующий взгляд Ронана сжал мой желудок, как щелчок спускового крючка. Я не ожидала, чтобы он понял сказанное, но он понял. Я знала, что он понял.

– *Следующий вопрос*, – сказал Ронан.

Врач нахмурился.

– *У тебя есть семья, с которой я могу связаться?*

– *Сколько тебе лет, мой котенок?*

По тому, как неодобрительно сверкнули глаза врача, я осознала, что он понял фразу, произнесенную на английском, и это был не тот вопрос, который он задал.

Я ответила: «Девятнадцать» – прежде, чем вспомнила, что вчера мне исполнилось двадцать. Врач напряженно выдохнул.

– *Девятнадцать. Ей девятнадцать.*

Ронан не отвел взгляда.

– *Я слышал.*

Я почти не слушала этот обмен репликами, поскольку пыталась вспомнить, что означает «мой котенок». Мой что?

– Тебя... ранили, Мила? – Я увидела, как темная синева его глаз стала черной.

На мгновение его вопрос озадачил меня. Туман заволок все произошедшее на улице, как будто это случилось не со мной, а я – просто наблюдала со стороны. Все это казалось нереальным, и когда я думала об этом, то не чувствовала ничего, кроме легкого раздражения, что, вероятно, ставило меня в ту же категорию сумасшедших, что и арендаторов моего отца.

Я покачала головой.

– *Хорошо.*

Всего одно слово из шести букв, но оно повисло в воздухе, как самая главная вещь в комнате. Голос у Ронана был таким хриплым и тихим. Таким сдержанным и выразительным. Таким мягким, что проскальзывал под мою кожу, растапливая напряжение в теле, как масло. Бьюсь об заклад, к его словам люди прислушивались.

– У тебя что-нибудь болит, кроме головы?

Я кивнула, пристально глядя на него.

Улыбка коснулась его губ.

– Где?

– В боку.

Ронан поднялся во весь рост. Пока он разговаривал с врачом, мальчик, которого я видела с ящиком спиртного, вошел в комнату с моей спортивной сумкой в руках. Он бросил ее рядом с диваном и глянул на меня с отвращением.

Ронан посмотрел на него с молчаливым предупреждением. Мальчик сглотнул и развернулся, чтобы выйти из комнаты.

– Кирилл хотел бы осмотреть тебя, если позволишь.

Я кивнула.

Когда Ронан направился к двери, я встала на ноги, почувствовав прилив головокружения от резкого движения.

– погоди, – пробормотала я. – Куда ты?

Он повернул голову и внимательно посмотрел на меня.

– Оставлю вас наедине, *котенок.*

Я пожевала губу, не зная, что заставляет меня просить об этом. Я была растеряна. И я очень не любила врачей.

– Прошу, останься.

Кирилл вздохнул и потер переносицу.

После минуты задумчивого молчания Ронан склонил голову и вернулся к своему столу. Меня странно успокоило то, что он остался.

Кирилл встал, достал из кармана рубашки фонарик и проверил мои зрачки. Прослушал сердце, легкие и осмотрел затылок. Я не сводила взгляда с Ронана, прислонившегося к столу и наблюдавшего за осмотром.

Когда Кирилл заговорил, я перевела взгляд на него. Он, должно быть, заметил, куда было направлено мое внимание во время осмотра, потому что лицо его выражало неодобрение.

– Он просит тебя снять пиджак.

Я ослабила хватку на лацканах и сбросила пиджак с плеч на пол. Красный синяк в форме ладони на талии объяснял, почему болят ребра. Но я уставилась на засохшую кровь на животе. Теперь я заметила, что и под ногтями у меня была кровь.

И тепло внутри меня заледенело, вызвав покалывание в затылке.

Никогда раньше я никому не причиняла вреда.

У меня вырвался судорожный вздох. Внутри все перевернулось. Комната начала расплываться, я покачнулась, чернота окутала подсознание и затянула на дно.

Когда я очнулась, во рту было сухо, Кирилл хмурился, а Ронан сидел на корточках рядом со мной, лежащей на диване.

Осознав, что потеряла сознание, я снова закрыла глаза.

В детстве у меня были панические атаки перед тем, как мне делали укол или брали кровь на анализ. Во время прививок папа обычно держал меня на руках, пока я не теряла сознание окончательно. Даже сейчас я бы предпочла заклеить собственную сломанную руку скотчем, но только не идти к врачу.

Ронан протянул зеленую банку содовой, которую ему передал Кирилл.

– Ты ведь не потеряешь сознание еще раз, а?

Я медленно села, запахнула одной рукой блузку, а другой взяла банку. Мало кто знал о моей фобии. Чтобы справиться с ней, я заставляла себя смотреть кровавые ужастики, но это ослабило лишь мою чувствительность к *фильмам*, а не к реальной жизни.

– Не люблю кровь, – призналась я.

Ронан с любопытством посмотрел на меня, будто я сказала что-то забавное.

– Интересно.

– Прошу прощения, похоже, ты занятой человек, а я испортила тебе весь вечер.

– Пей газировку, *котенок*.

Я так и сделала. Холодная шипучка приятно обжигала горло. Я облизнула пересохшие губы и оглядела комнату, начиная с хмурого взгляда Кирилла и заканчивая трещинами в оштукатуренных стенах и потертым ковром. Это был не самый модный кабинет директора.

– Я все возьму, – сказала я. – Врача и... – Я опустила взгляд на банку в руке, что развеселило Ронана.

– Я добавлю содовую в счет, – сказал он.

В этот момент я поняла, что упустила из виду его дорогой костюм, уверившись, что ему не по карману визит частного врача. Осознав вдруг, что он играет со мной, я посмотрела ему в глаза.

«Щелк».

Это не был спусковой крючок. Это он щелкнул ручкой в руке.

– У нее сотрясение мозга, и ее нужно осмотреть в больнице, – сказал Кирилл.

– Он убежден, что у тебя легкое сотрясение, – перевел Ронан. – Симптомы могут сохраняться несколько дней.

Полагаю, это объясняло мои странные мысли и поведение. Как бы там ни было, мне уже стало немного лучше, а в организм поступило немного сахара. Недостаток еды и сна, вероятно, усугубил ситуацию.

Догадка растревожила мысли. Кирилл, вроде, снова сказал «больница»? Должно быть, мне показалось, поскольку Ронан ничего не сказал о больнице. Все равно я туда не поеду.

– Ты не передашь ему мою благодарность? – спросила я. – Не стоило приезжать из-за меня.

Ронан на мгновение задумчиво склонил голову – щелк – затем сказал врачу:

– Она не хочет в больницу.

Это было самое странное русское «Спасибо», какое я когда-либо слышала. Должно быть, «больница» значило что-то другое.

Прежде чем ответить, Кирилл поджал губы.

– Он сказал, что кто-то должен разбудить тебя сегодня вечером. Протокол при травмах головы.

– О.

– Ты здесь одна?

Я кивнула.

– Можешь остаться здесь на ночь. Я пошлю кого-нибудь, чтобы будил тебя.

– Нет, не нужно, – сказала я. – Ты и так уже столько для меня сделал.

Во взгляде Ронана промелькнуло недовольство. Тихая напряженность могла бы убить, если бы я не привыкла к подобному во взгляде своего отца.

– На тебя напали на моей улице. Я отвечаю за то, чтобы с тобой все было в порядке.

Неудивительно, что он стоял так близко к задней двери. Слышал ли он мои крики?

Мои мысли и дыхание перехватило, когда он ручкой поднял кулон, висевший у меня на груди.

– Интересное украшение.

Он и тот, кто напал на меня, были единственными, кто заметил его.

Я никогда не видела папу в чем-то более открытом, чем майка и свободные черные штаны, но даже в тот единственный раз, в свои восемь лет, я мельком заметила татуировки в виде морских звезд на его плечах и, конечно же, захотела себе такие же, и он подарил мне эту подвеску.

– Это семейная реликвия, – выдохнула я.

В ответ прозвучало лишь задумчивое «Хм».

Он опустил кулон обратно на мою кожу, и легчайшее скольжение руки меж моих грудей заставило пульс сбиться. Банка с содовой выскользнула у меня из пальцев. Он поймал ее левой рукой, не отрывая от меня взгляда.

Через мгновение сильного напряжения Кирилл встал и вложил мне в руку бутылочку с таблетками. У них тут что, нет рецептов?

– Болеутоляющие.

Я выдавила улыбку.

– Спасибо.

Кирилл бросил на меня умоляющий взгляд, подхватил свой портфель и вышел из комнаты. Я не знала, что русские – такие зловещие.

Ронан встал и поставил банку содовой на край стола.

– Велю, чтобы тебе принесли еды, – сказал он мне, направляясь к двери. Перед ней он остановился и повернулся ко мне. Он был черен с головы до ног. Рубашка. Тату. Волосы. Даже синева глаз утопала в тени, если не приглядываться. С тем же успехом мы могли бы принадлежать двум разным мирам... мирам, разделенным одинокими волнами Атлантики.

Он был проблеском адреналина, шероховатостью рельсов под босыми ногами и сигналом идущего навстречу товарняка.

И я была очарована.

Взгляд его был непроницаем.

– Здесь ты будешь в безопасности.

Я поверила ему.

Но прежде чем его темный силуэт исчез из виду, я вспомнила, что значит «*мой котенок*».

Глава пятая

wallflower (сущ.) – робкий, неуклюжий или замкнутый человек

Мила

Я зажала в зубах одну из таблеток, надеясь на облегчение, а затем принялась рыться в сумке в поисках телефона. Рылась до тех пор, пока не вспомнила, что он был в кармане моего пальто, которое теперь лежало на промерзшей русской улице. Удивительно, что они не нашли его, учитывая то, что сумку я бросила в паре кварталов отсюда, а пальто должно было лежать прямо под дверью.

Раздался стук, и в комнату вошла рыжеволосая девушка не старше семнадцати лет в простом белом платье. Опустив взгляд, она поставила на столик рядом с диваном тарелку с супом и ломтик хлеба. Я поблагодарила ее и спросила, знает ли девушка, который сейчас час, но по тому, что она не ответила, развернулась и вышла из комнаты, догадалась, что она не говорит по-английски. Или вообще не говорит.

Суп пах так вкусно, что у меня потекли слюнки, но выглядел он как *солянка*, а это значило, что в нем есть мясо. Я была веганкой с тех пор, как в средней школе посмотрела фильм о производстве мяса. Боре это не нравилось, но он всегда готовил для меня что-нибудь особенное. Как бы там ни было, я не могла много есть, когда была в стрессе. И теперь, оставшись наедине со своими мыслями, задавалась вопросом, было ли нападение случайным, или как-то связано с тем, что Иван боялся отпускать меня сюда.

Неужели у папы действительно неприятности? Он мог спать с чужими женами или иметь дела с сомнительными личностями, но не играл в азартные игры и не напивался. Черт возьми, он даже дорогу переходил в положенных местах. Даже если бы попытался, он не мог бы быть более законопослушным. Я отмела эту мысль. Одинокая девушка, идущая по окраинам Москвы. Чего я ожидала, торжественного эскорта в Ritz?

Отмахнувшись от этой мысли, я поняла, что мне очень нужно в туалет.

Стараясь не смотреть на засохшую на коже кровь, я сменила разорванную блузку на желтую футболку Beach Boys. В дальнем конце тускло освещенного коридора из светлой комнаты справа доносились звон посуды и время от времени ругательства на русском. Это была ресторанная кухня, и я невольно задалась вопросом, как долго была без сознания, потому что она явно уже заканчивала работу.

Отыскав ванную и сделав свои дела, я направилась к раковине, где оттерла руки и живот куском мыла, чувствуя тошноту при виде того, как красная вода стекает в канализацию. Содрогнулась при мысли о том, что нападавший мог быть переносчиком какой-нибудь болезни. Ну, если не считать психопатии.

Пристально уставилась через зеркало в свои льдисто-голубые глаза. Всегда считала, что им не хватает искры и блеска, хотя модельный агент, однажды подошедший ко мне на улице и сунувший свою визитку, сказал, что они потрясающие. Я была заинтригована. Модели много путешествуют и видят мир за пределами телевизора, но папа очень быстро пресек эту идею.

Я пошла было обратно, в мою временную комнату на ночь, но голос, *его* голос, заставил меня остановиться. Мне не следовало совать нос в чужие дела, как говорила мисс Марта, когда я прерывала наши уроки, высовываясь из окна, чтобы увидеть, кто приехал. Но искушение уже овладело мной, потащив в противоположную сторону.

По мере того как тени в коридоре становились темней, на ум приходила одна фраза: «Любопытство кошку сгубило».

Я подавила дрожь.

Бармен стоял за старой деревянной стойкой, протирая бокалы. Белая рубашка с закатанными по локоть рукавами, подтяжки, татуировки в виде черепа и скрещенных костей на предплечье. Он бросил взгляд в мою сторону и заставил меня прекратить пялиться, принявшись вытирать руки полотенцем.

Я сглотнула и отвела взгляд, посмотрев на столы и диванчики в потрепанном времени и преимущественно пустом ресторане. Легко нашла Ронана, поскольку напротив него сидели трое мужчин, разразившихся смехом в ответ на что-то им сказанное. Одну руку Ронан лениво закинул на спинку дивана, держа сигарету во рту. Русская цыганская музыка тихо играла в тускло освещенной комнате, пока я наблюдала, как он выдохнул облако дыма, и улыбка коснулась его губ.

Он оглянулся, взгляд темных глаз встретился с моим.

Голос мадам Ричи вернул меня в чересчур теплый трейлер, припаркованный на карнавале, стайка девочек-подростков из группы поддержки хмуро разглядывала декор позади меня. Закрыв глаза, она положила руки на фиолетовый хрустальный шар, сигарета опасно свисала с ее губ. Она приоткрыла один глаз, чтобы взглянуть на меня, затем снова закрыла, сосредоточившись. Пока ее хрустальный шар наполнялся дымом и бог весть чем еще, брови ее нахмурились. Я ахнула, когда она схватила меня за руку, протащив через половину стола, чтобы взглянуть на ладонь. А затем она увидела нечто, что заставило ее рассмеяться. *Рассмеяться.*

Она откинулась на спинку стула, оперлась локтем на стол и сделала глубокую затыжку.

– Так *что* ты *хочь* знать?

Тот факт, что я придала какое-то значение сказанному ей, должен был настораживать, но я так и не смогла заставить себя забыть ее слова. Я хотела большего, чем прохладная ласка и спряжения французских глаголов. Я хотела большего, чем туфли Sperry и мягкие руки. Чего я хотела, так это кого-то вроде этого мужчины, русскоговорящего, с татуировками на пальцах.

Он прикусил сигарету зубами и подмигнул мне.

Это подмигивание породило тугой комок тепла у меня внутри, когда я вернулась обратно в его кабинет и переоделась в шорты. Тарелка с супом стояла нетронутой на столике, а я свернулась на диване и натянула на себя новое пестрое одеяло. Не так я думала провести свою первую ночь в Москве и содрогнулась при мысли о том, как плохо все могло закончиться...

Если бы не подвеска с морской звездой. Ресторан.

И мужчина в черном с тайной во взгляде.

* * *

Меня разбудил запах сигаретного дыма. Он вторгся в сознание, смешавшись с глубоким мужским ароматом, навсегда въевшимся в стены.

Я села на диван, увидела Ронана, глядящего из-за письменного стола, и застенчиво провела пальцами по своим длинным волосам. Я тщательно выпрямляла их, но всякий раз после сна непослушные кудри вились с новой силой. Они были слишком длинными и своевольными, чтобы соответствовать тому приличному образу, в который я себя загоняла.

Моя кожа наэлектризовалась от осознания того, насколько коротки мои шорты с завышенной талией. Собирая вчера сумку, я не думала, что буду спать в мужском кабинете.

Он откинулся на спинку кожаного кресла, разминая в руках мячик для снятия стресса.

Подбросить. Сжать.

Легкая улыбка.

– Ты крепко спишь.

Ему не нужно было говорить о том, как неприлично наблюдать за кем-то спящим. Он это знал. Это было очевидно по озорным искоркам в его глазах.

Может, в душе он не такой уж и джентльмен?

Глубокий сон, в который я провалилась после того, как ворчливый рыжий разбудил меня где-то после четырех утра, притупил короткое воспоминание о Ронане. Его присутствие было больше, чем жизнь. Тень там, где не должно быть тени. Он все еще был черен с головы до пят, без галстука, но сегодня его волосы были в легком беспорядке, как будто он проводил по ним татуированными пальцами, и судя по спиральям дыма, поднимающимся из пепельницы на его столе, он курил то, что должно было быть утренней сигаретой.

У меня никогда не было проблем с разговорами, но когда этот человек полностью сосредотачивал на мне внимание, я понимала, что все слова застревают у меня в горле. Так что, покраснев от возмущения, я отвернулась, ничего не сказав.

Он тихо усмехнулся, потянулся к *проводному* телефону на столе и набрал номер.

Я мысленно застонала. И это он считал меня *смешной*. Между тем даже его взгляд согревал меня, словно жар солнца. И его голос, с легким акцентом и намеком на опытность... Я могла слушать его весь день, не уставая.

Я встала и аккуратно сложила помятый пиджак и одеяло, что заставило его слегка улыбнуться в середине фразы на русском, которую он говорил тому, кто находился на другом конце провода. Его взгляд скользнул по моей обнаженной коже, когда я прошла по комнате, чтобы рассмотреть развешанные по стенам фото. На одном были запечатлены несколько ухмыляющихся и курящих мужчин, но в центре группы был подросток Ронан с винтовкой в руке и мертвым оленем у ног.

Я никогда не видела оружия. И не хотела видеть.

На другом черно-белом фото были изображены двое детей, двенадцати или тринадцати лет, стоящие на улице. Пятно грязи пачкало щеку Ронана, он обнимал за шею второго ребенка, чье неулыбчивое лицо было отвернуто от камеры. Но это не скрывало его взгляда, достаточно острого, чтобы пронзать насквозь.

Они казались бедными. Может быть, даже бездомными.

Мой взгляд скользнул к Ронану, от его костюма к черным часам на запястье. Я всегда покупала вещи папе, поскольку его не заботила собственная внешность и у него не было жены... или так я считала. Он стал бы носить только лучшее из лучшего, так что я стала поклонницей дорогой мужской одежды, и этот мужчина носил Dormeuil Vanquish.

Из грязи в князи...

Мне стало любопытно, чем он занимается. Он, очевидно, был кем-то большим, чем просто владельцем этого ресторана, который представлял собой скорее дыру, чем пятизвездочное заведение. Мне показалось удивительным, хотя и милым, то, что он выставлял свое прошлое на всеобщее обозрение.

– Сядь поешь, *котенок*.

Мне стало теплей от этого прозвища, пусть даже я знала, что, вероятно, получила его потому, что напоминала ему о чем-то милом, что можно потрепать по голове. Я села на диван и принялась за миску *каши* и свежие фрукты.

Ронан все еще говорил по телефону, обмотав шнур вокруг одной руки и держа мячик в другой, но жар его любопытного взгляда согревал каждый сантиметр моего тела. Я отставила тарелку с недоеденной едой и получила неодобрительный взгляд. Если бы мой папа посмотрел на меня так, я бы проглотила все до последней крошки, но ему было далеко до моего папы. И я просто не хотела доедать.

Он повесил трубку, окутав комнату густой тишиной. Я потерла ладони о голые бедра и поискала слова, которые, казалось, терялись в его присутствии.

– Так и не нашли мое пальто, да?

Минуту он молчал, раскачиваясь в кресле, словно редактор газеты, оглядывающий свои владения.

– Тебе повезло, что мы нашли сумку прежде, чем ее украли.

Это значило «нет».

Я пожевала губу.

– В кармане был телефон.

– Да? – И это все, что он сказал, не предложив воспользоваться своим телефоном.

Мне не хотелось стать еще большей обузой, и я была не в восторге от мысли поделиться с Иваном тем, что случилось прошлой ночью, потому отодвинула эту потребность в сторону. Я куплю одноразовый телефон и сообщу ему, что все в порядке.

Ронан пристально смотрел на меня.

Подбросить. Сжать.

Этот человек постоянно делал что-то руками, и это отвлекало. Я сглотнула, когда комнату снова заполнила тишина. Казалось, ему вполне хватает того, что он сидит там, но его взгляд проникал мне под кожу, вызывая зуд.

Я откашлялась.

– Это... милое место. Очень теплое и... гостеприимное.

Оно было далеко не гостеприимно к девушкам вроде меня, и мы оба знали это.

Его медленная улыбка могла бы разорвать города.

– Что здесь кажется тебе комфортным? Нужно будет исправить это как можно скорее. – С каким-то мрачным интересом он наблюдал, как я вновь глупо покраснела. Если бы бог существовал, он бы сжалился надо мной и прожог пол у меня под ногами, чтобы я могла провалиться сквозь него. Я чувствовала себя Даки из «Девушки в розовом», и все мы знаем, чем это кончилось.

– Музыка. Папа слушает ту же музыку.

– Какое совпадение, – протянул Ронан. Его голос был безразличен, но в то же время пронизан чем-то, что вызывало покалывание под кожей.

– Может, ты слышал о нем? – Это был рискованный шаг, но ничего другого не оставалось.

С тем же успехом я могла бы попробовать отыскать иголку в стоге сена. – Алексей Михайлов?

Сжать.

– Не могу сказать, что слышал.

Я ощутила разочарование.

– Чем занимается твой папа?

– Он инвестор.

Это было все, что я знала. Папа никогда не говорил о работе, когда я была рядом.

– Хах. – Изучив меня с минуту, Ронан спросил: – И что привело американскую чирлидершу в Москву?

Я бросила взгляд на сумку с надписью «ЧИР» через всю переднюю ее часть.

– Я была чирлидером в старших классах, больше этим не занимаюсь.

– Значит, год как не занимаешься?

– Нет, – сказала я так, будто он сгупил. – Полтора года.

Он улыбнулся.

– Ах, я ошибся.

После мгновения тишины я ответила.

– Московские тайны. – Тихие слова наполнили комнату. – Я прилетела за тайнами.

Он долго смотрел на меня – так долго, что мое сердце замедлилось под тяжестью его взгляда, – а затем встал и обошел стол.

– Тебе есть где остановиться?

Я покачала головой.

– Я скажу Альберту, чтобы нашел тебе комнату. – С этими словами он направился к двери.

Мои манеры протестовали против его щедрости, но по большей части я была благодарна. Голова все еще болела, и я не хотела бесцельно блуждать по Москве в поисках такси и места для ночлега. Хотя нечто внутри меня, нечто любопытствующее и *затаившее дыхание*, не желало выпустить Ронана из комнаты.

Я встала на ноги и выпалила:

– Тебе нравится опера?

Он остановился и медленно повернулся ко мне.

– Откуда ты знаешь?

Понадобилось мгновение, чтобы сообразить, что он меня дразнит. Я открыла рот, но прикусила нижнюю губу, чтобы сдержать смех. Его взгляд метнулся к моим губам, всего на секунду, и мой пульс рухнул в чан с огнем и бензином.

Я сглотнула.

– Ты случайно не знаешь оперные театры поблизости?

Я не собиралась возвращаться домой, не узнав побольше о матери и ее семье. Может быть, что-то найдется там, где она работала раньше.

– Есть несколько, но Московский ближе всех.

– Московский, – повторила я, чтобы запомнить.

– Он не в лучшей части города.

Его ресторан тоже располагался не в лучшей части города, и при виде решительности у меня на лице что-то неясное затуманило его взгляд.

– Я отвезу тебя. Сегодня в восемь.

Затем он оставил меня, не сказав больше ни слова, а я не могла удержаться от мысли...
Может быть, Москва не *так уж* плоха.

Глава шестая

dépaysement (суц.) – быть вырванным из привычного мира в новый

Мила

– Нет, правда, я могу заплатить за комнату.

У Альберта, очевидно, были проблемы со слухом, потому его стоическое выражение лица не дрогнуло, пока он шел по коридору отеля с моей сумкой. Я плелась в двух шагах позади гиганта, изо всех сил стараясь не отставать. Я знала, что он понимает английский. По дороге сюда я прикоснулась к окну, разглядывая улицы, и он так посмотрел на меня в зеркало заднего вида, словно я только что дала пощечину его любимой бабушке, и проворчал, чтобы я не пачкала стекло. Он был бы красив, если бы не брил голову и не смотрел так хмуро, будто его только что выпустили из тюрьмы. Хотя с таким-то отношением можно было предположить, что так оно и было.

Привезя меня в шикарный отель, он вручил невозмутимому консьержу пачку наличных. Пожилой мужчина без вопросов вложил в руку Альберта блестящий ключ от номера. Это было похоже на покупку наркотиков. Или взятку. Я не могла позволить себе влипнуть в незаконную деятельность Альберта, независимо от того, как тут делались дела.

– Слушайте, я просто хочу заплатить за свою комнату, – сказала я, слегка задыхаясь, когда наконец нагнала его. – Уверена, вам есть на что еще потратить деньги. Гигантские трусы наверняка стоят недешево.

Казалось, его это почти позабавило. А может, у него случился запор? Я не могла сказать наверняка.

– Босс платит, – проворчал он.

«Босс» звучало немного официально и странно. Хотя опять же, откуда мне знать, как называть его работодателя. Единственная работа, которая у меня когда-либо была, – работа волонтером.

– Знаете, вы не похожи на Альберта, – сказала я.

Он даже не моргнул.

– Я лишь хочу сказать, что когда кто-то произносит «Альберт», есть уже сложившееся ожидание. Старый мужчина широкой души, если быть точным. Вы вдребезги разносите эти ожидания, Альберт.

Он остановился перед комнатой номер двести три.

– Я бы назвала вас скорее... Игорем.

Он слегка поджал губы, вставив ключ в замок и толкнув дверь. Естественно, я последовала за ним внутрь.

– Это нормально – показывать свои чувства, Игорь. Они есть у всех. – Он уронил мою сумку у постели кинг-сайз. – Не говоря уже о том, что плачущий мужчина это... *сексуально*.

Выражение отвращения на его лице выглядело комично, и я закусила губу, чтобы подавить улыбку, пока он шел мимо меня к двери.

– Еще увидимся?

Он проворчал что-то и захлопнул за собой дверь.

Я со вздохом обернулась и оглядела комнату. Будильник у кровати показывал, что сейчас всего девять утра. Внезапно смена часовых поясов и все остальное обрушились на меня. Мне нужно было сообщить Ивану, что со мной все в порядке, и я вроде как соскучилась по его

голосу, но слишком устала, чтобы разбираться, как звонить по гостиничному телефону, так что отложила это на потом.

Приняла душ, натерев кожу до блеска. Закутавшись в полотенце, вернулась в свою комнату и порылась в сумке в поисках одежды. Приглушенный шум на улице привлек мое внимание к окну. Велосипедист спорил с недовольным водителем такси, вскинув руки, когда курьер-подросток швырнул газету в его машину. Я начала отворачиваться, когда кое-что привлекло мое внимание.

На обочине была припаркована черная машина. Татуированные пальцы высунулись из окна, стряхивая пепел с сигареты, прежде чем незнакомый мужчина снова поднес ее ко рту. До прибытия сюда я никогда не встречала людей с татуировками на пальцах.

Должно быть, это часть русской культуры.

Летаргия сковала мои конечности, так что я рухнула в постель, не сняв одежду, и оставалась мертвой для всего мира целых три часа. Проснулась со стоном и клоком все еще влажных волос во рту.

Сняв бирки с новых расклеванных джинсов и винтажной футболки, я улыбнулась, надевая их. Они хорошо сели, лаская тело хлопком и свободным кроем. Затем я высушила и выпрямила волосы, нанесла немного клубничного блеска для губ и надела плотный кардиган, который служил мне пальто по дороге сюда.

Холод высосал воздух из моих легких, когда я направилась через дорогу в ближайший круглосуточный магазин, чтобы купить одноразовый телефон. Может быть, из-за отсутствия зимней одежды я выделялась из толпы. Люди следили за моими передвижениями, и дважды мне свистели вслед. Обычная вещь для того, кто вырос в Майами, но мне показалось, что кто-то даже сфотографировал меня.

Это внимание заставило меня задуматься о своей матери – действительно ли она была так знаменита тут и почему мой папа скрывал это от меня. Он не любил говорить о ней. Я предполагала, что его это слишком ранило, так что мне никогда не хватало духу настаивать на разговоре. Но, если подумать, он мог бы и *поделиться* чем-то со мной. Может быть, тем фактом, что она была известной певицей...

Я набрала номер Ивана на новом телефоне.

Он ответил немедленно, тон у него был настороженный.

– Алло?

– Привет, Иван. Это я.

– Мила, – выдохнул он. – *Где ты, черт возьми?*

У меня на языке вертелись извинения, но тот факт, что облегчение в его голосе было настолько ощутимым, как будто он вообще не верил в меня – даже несмотря на то, что в этом он был раздражающе точен, – остановили их.

– Расслабься. – Я вздрогнула и плотнее запахнула кардиган. – Я в порядке.

– Я с ума сходил от беспокойства, – отрезал он.

– Не знаю, с чего бы. Очевидно, я вполне справляюсь. – *Врушка, врушка, завирушка.*

– Где ты остановилась?

Меня привлекла витрина магазина одежды. Колокольчик звякнул, когда я вошла внутрь, и я вздохнула с облегчением, почувствовав тепло.

– Честно говоря, я не вполне уверена.

– Что, черт возьми, это значит?

– Это значит, что я не умею читать по-русски, Иван. – Я направилась к вешалке с одеждой, чтобы посмотреть платья. Я не знала, будет ли сегодня опера в театре, но решила, что должна одеться подобающе. По моему компетентному мнению, разумнее быть одетой получше, чем быть одетой неподобающе. – К тому же прошлой ночью я переночевала в ресторане. Не запомнила название.

Он медленно спросил:

– Почему ты ночевала в ресторане, Мила?

Черт, дерьмо.

– Я не собиралась рассказывать тебе, – сказала я прежде, чем успела себя остановить, а потом проворчала, – должно быть, сотрясение мозга.

– *Что?*

Я закапывала себя в могилу.

Пришлось закусить губу.

– Должна признать, вчерашний инцидент был неприятен, но он не имеет ничего общего с моей способностью позаботиться о себе.

– О чем ты говоришь?

Я вздохнула, понимая, что мне придется сказать ему правду, потому что я не умела врать, а Иван ни за что не купился бы на историю, которую сейчас рождал мой мозг. В ней принимали участие автобус, котенок и мой героизм.

– Я расскажу тебе, но ты должен обещать, что не скажешь папе. Не хочу его беспокоить.

– Обещаю, – прорычал он.

– Ну, если хочешь правды... на меня в некотором смысле напали и, возможно, чуть не убили.

Молчание.

– Но не волнуйся. Очевидно, у того человека фобия подвесок в форме морской звезды, так что я сбежала. – Я отодвинула в сторону платье на вешалке.

Колоритное русское ругательство.

– Где ты?

– В магазине.

Я не собиралась рассказывать ему о своих планах на сегодняшний вечер. Я знала, как это будет воспринято, по крайней мере моим папой, когда Иван донесет ему на меня. Ивану никогда не было дела до того, с кем я встречалась. Его безразличие растоптало мою первую влюбленность и фантазии... созданные грязными книжками мисс Марты, которые я таскала у нее тайком. О рыцаре на белом коне, обезглавливающем других мужчин за один лишь взгляд на меня. Хотя в том сказочном мире кровь не была фонтаном, там ее просто не существовало.

Ожидания у меня были нереалистичными, немного ужасными и весьма незаконными.

Но девочки имеют право мечтать.

– В магазине? – Голос его прозвучал растерянно.

– Да.

– На тебя напали, ты встала и пошла в магазин.

– А чего ты хотел от меня? Чтобы я обрыдалась в подушку?

Может быть, я должна была чувствовать травму, но почему-то чувствовала лишь раздражение от всего этого. Я надеялась, что у лица со шрамом был дерьмовый день.

– Мила... Я хочу, чтобы ты оглянулась. – В его голосе послышались нотки дурного предчувствия. – Кто-нибудь наблюдает за тобой?

Я застыла, волосы на затылке встали дыбом.

– Что? С чего бы кому-то следить за мной?

– Просто сделай это. И сделай не очевидно.

Холодок пробежал у меня по спине, я осторожно оглядела магазин, начиная с пары женщин, разговаривающих у прилавка, до других, примеряющих аксессуары и просматривающих вешалки с одеждой. Они поглядывали на меня время от времени, но так, как поглядывали бы на не вписывающуюся в окружение туристку. Я выглянула в витрину, но не заметила ничего необычного.

– Ты знал, что моя мать была здесь знаменитостью? – спросила я. Может быть, у нее поклонники, как у Чарльза Мэнсона.

Он вздохнул.

– Знал, да? – сказала я обвиняюще. – Почему ты мне этого не сообщил?

– Потому что ты начала бы рыться в том, что тебя не касается.

– Не касается? Она была моей мамой!

– Почему бы тебе не сказать это чуть погромче, чтобы услышал весь город? – упрекнул он.

– Да кому какое дело?

– Я хочу, чтобы ты оставалась где-нибудь в общественном месте до тех пор, пока я не приеду тебя забрать.

От тона его голоса у меня перехватило дыхание.

– Иван, ты меня пугаешь.

– *Хорошо*. А теперь передай телефон одной из продавщиц, чтобы я мог выяснить, где ты.

Я сделала шаг к прилавку, но что-то остановило меня.

– Я еще не готова возвращаться домой.

– Дело не в том, чего ты хочешь...

– Чего я хочу, никогда никого не волнует, не так ли? – Я повысила голос. – Я знаю о другой семье моего папы. Тебе больше не нужно пугать меня, лишь бы я вернулась домой и не узнала никаких тайн. Хоть раз я хочу решить за себя.

Молчание.

– Мила...

– Прощай, Иван.

– *Мила...*

Я повесила трубку.

В раздражении отодвинула в сторону очередную вешалку. Получив еще один звонок, я выключила телефон и убрала его в карман, но зловещие слова Ивана все еще крутились в глубине подсознания.

Глава седьмая

la vie en rose (сущ.) – жизнь в розовых очках

Мила

Платье было желтым и струящимся, с вязанным крючком лифом цвета умбры. Оно было скромным, если не считать сантиметра обнаженного живота и разреза на бедре. Туфли на каблуках были прозрачными и блестящими, со шнуровкой до середины икр, чтобы продемонстрировать мои главные достоинства. Я была королевой по собиранию волос в хвост, но решила оставить локоны распущенными, и, как обычно, нанесла легкий макияж.

Я собралась на час раньше и оставшееся время провела, кусая покрытую блеском губу и расхаживая по комнате. Живот крутило на нервной почве, вызывая головокружение.

Мне следовало бы съесть что-нибудь заранее, но я имела нездоровую привычку забывать о еде, пока ее не поставят передо мной.

Я не думала, что Ронан сочтет это свиданием, но не могла не слушать шепот предвкушения, сдавливавший легкие. Очень глупая романтичная часть меня сверкала сердечками в глазах, игнорируя тот факт, что вскоре мне придется принять архаичное предложение от человека, который, вероятно, прямо сейчас соблазнял какую-нибудь тexasскую наследницу нефтяной империи.

Ронан постучал ровно в восемь.

Он занял весь дверной проем. Темные глаза, широкие плечи, ровные черные линии. Он смотрелся в костюме лучше, чем любой мужчина из всех, кого я когда-либо видела, хотя костюм был ему мал.

Мы смотрели друг на друга всего на секунду дольше, чем было положено, и когда мое дыхание начало замедляться под его пронизывающим молчанием, я выдавила из себя слово.

– *Привет.*

Он вскинул бровь.

– Так ты все-таки немного говоришь по-русски?

Румянец пополз вверх по моей шее.

– Немного.

Я вышла, закрыв за собой дверь. Он не отступил, как я ожидала, и между нами осталась всего пара сантиметров. Мы были так близко, что я не могла вздохнуть. Так близко, что желтое и черное едва не соприкасались. Так близко, что я могла бы поцеловать его, слегка приподнявшись на цыпочках. На десятисантиметровых каблуках мои глаза находились на уровне его губ, а это значило, что в нем почти два метра роста.

– Ты довольно высокая для девушки, – задумчиво произнес он, глядя на меня сверху вниз.

Я судорожно вздохнула.

– Спасибо.

Когда он тихо рассмеялся, я мысленно выдохнула. Моя влюбленность не могла быть очевиднее, даже если бы я размахивала плакатом «ЛЮБЛЮ ТЕБЯ» словно фанатка на концерте бойз-бэнда.

Пока мы шли по коридору, я сказала ему:

– Не стоило платить за мою комнату.

– Мне так захотелось, – сказал он так, будто, когда хотел что-то сделать, он это делал, и мне не следовало даже спрашивать об этом. Это было немного пугающе, и я не стала настаивать.

– Что ж, спасибо... за все.

Он повернулся ко мне, взгляд его был задумчивым, но в то же время настолько глубоким, что мое сердцебиение остановилось само по себе. Он молчал, пока мы не вышли на улицу, и я вздрогнула, когда сквозь мой тонкий кардиган проник холод.

– Где твоё пальто?

Мне следовало купить новое сегодня, но телефонный звонок Ивану и предстоящее вероятное свидание отодвинули эту необходимость на задний план.

– Я потеряла его... прошлой ночью.

Его глаза сверкнули воспоминанием, а затем потемнели. Он снял шерстяной пиджак и накинул мне на плечи. Пиджак был тяжелым и пах так приятно, что моя кровь вскипела и устремилась к точке меж моих ног. На нем были рубашка и жилет, но с каждым вдохом холод обжигал мои легкие.

– А как же ты? – спросила я.

В его голосе послышалась нотка веселья.

– Как ты и сказала, *котенок*, я – типичный русский.

Как глупо с моей стороны было думать, что этот человек может замерзнуть. Он являл собой темную силу природы, подогреваемую тестостероном и мускулами. Наверное, ему все время было жарко.

Альберт стоял у обочины, опершись на машину и куря сигарету. Ронан открыл заднюю дверцу и протянул мне руку, сказав что-то по-русски, обернувшись к Альберту. Я стояла, уставившись на протянутую им руку, он перевел взгляд на меня, и я вложила свою ладонь в его. Кожа цвета слоновой кости коснулась загара. Пальцы с французским маникюром и пальцы с татуировками. Мягкие и жесткие. Разница вспыхнула как в замедленной съемке. Темные глаза, слегка прищуренные, опустились на наши руки прежде, чем он помог мне сойти с тротуара и сесть в машину.

Заднее сиденье заполнили молчание и его присутствие. Рука Ронана коснулась моей, и это прикосновение я почувствовала всем телом. Электричество между нами зашипело, словно та зеленая банка с газировкой.

Он все смотрел в окно, а я не могла перестать упиваться им. Тем, как рубашка и жилет облегают его тело, словно вторая кожа. То, как черная ткань обтягивает его мощные руки и грудь. Каждый миллиметр его тела казался твердым и внушительным. Станный жар внутри меня подталкивал провести рукой по его прессу и выяснить, такой ли он тугой, как кажется. Я никогда не испытывала подобного влечения, и моя неопытность грозила выплеснуться наружу, словно кастрюля с кипящей водой.

За все время поездки он ни разу не посмотрел в мою сторону. Мне было интересно, чувствовал ли он то же, что и я, или видел во мне лишь девятнадцатилетнюю обузу. Мы подъехали к пустому тротуару у здания с золотыми дверями и приглушенным освещением. Это мало походило на пункт нашего назначения, но я придерживала вопросы, пока Ронан открывал мне дверь. Это был магазин с мраморными полами и сверкающей люстрой, и он был пуст, если не считать продавщицы с широко распахнутыми глазами, стоявшей за стеклянным прилавком.

– Кажется, они закрыты, – тихо сказала я.

Уголки его губ приподнялись.

– Выбирай шубу, *котенок*.

Я вытаращилась на него на мгновение, мое дыхание перехватило от удивления. Я вновь почувствовала себя фанаткой, размахивающей плакатом с признаниями в любви. «*Дайте этой фанатке еще маркеров*».

Цокая каблуками по мрамору, я подошла к вешалке с одеждой и пробежала пальцами по норковой шубе, такой мягкой, что она бросила вызов моим принципам. Все, что здесь было, обошлось бы в целое состояние. Я бы не удивилась, обнаружив шесть нулей на ценнике.

Стоя спиной к нему, я сказала:

– Надеюсь, у твоих дверей нечасто оказываются туристки, на которых напали, поскольку это, похоже, очень дорогостоящее предприятие.

Его единственным ответом стала улыбка, которую я почувствовала мурашками, пробежавшими по спине.

Я обернулась, чтобы сказать, что не могу принять это, но когда встретилась с ним взглядом, дыхание у меня перехватило, а сердце, напряженное, как раскаленный провод, пропустило удар. Руки Ронана лежали в карманах, его часы поблескивали в тусклом свете. Глаза горели глубоко, темные, пугающие, но я знала, что вблизи они – завораживающе синие. Я сглотнула.

– Я не могу позволить тебе купить мне шубу. Это слишком.

Его взгляд сверкнул неудовольствием.

– Никто не говорит мне, что я могу или не могу делать.

Я поверила ему каждой клеточкой своего существа. Что же такое он *делал*?

Я прикусила губу, признаваясь:

– Я не ношу меха.

Он вскинул бровь и протянул:

– Только не говори, что ты еще и вегетарианка.

– Ах... – Я виновато ему улыбнулась. – Веган.

Он окинул меня мрачным взглядом, как будто я была странной женщиной. От его взгляда я совсем разнервничалась, так что решила отвлечься разглядыванием одежды на вешалках. К моему испугу – или *облегчению* — нигде не было ценников.

Я провела рукой по белой шубе из искусственного меха, которая, должно быть, была самой дешевой, и сказала:

– Эта.

Он прищурился – очевидно, меня раскусил, – но не озвучил своего неодобрения.

На пути обратно к машине на мои ресницы упала снежинка. Я остановилась на тротуаре и подняла глаза к небу, чтобы впервые увидеть снегопад. Это было похоже на то, что кто-то там, наверху, разорвал в клочки подвенечное платье и ронял на тротуар кусочки тюля. Я поймала снежинку в ладонь, наблюдая, как она растаяла за считанные секунды.

Подняв взгляд, я заметила, что Ронан наблюдает за мной, и от его пристального внимания жар прилил к моим щекам. Подавив неподобающий леди порыв поймать снежинку на язык, я продолжила идти к машине.

В Московский мы прибыли десять минут спустя. Элегантно одетые пары рука об руку входили в распахнутые парадные двери. Когда люди замедлили шаг, чтобы взглянуть на нас, от их взглядов ладони и шея зачесались, и я вспомнила, о чем предупреждал Иван. Под пушистой шубой по коже побежали мурашки. Ронан даже не надел обратно свой пиджак.

Русская кровь, полагаю, не давала ему замерзнуть.

Мы вошли, и я окинула взглядом высокий расписной потолок и золотую лепнину в виде короны. Мне вдруг стало любопытно, не стояла ли моя мать на этом самом месте.

– Ты никогда раньше не была в опере? – спросил Ронан.

Я покачала головой.

– Никогда.

Не сводя глаз со сверкающей люстры, я последовала за ним вверх по мраморным ступеням и коридору, где одетый в красное служитель молча открыл дверь в отдельную ложу, откуда

открывался прекрасный вид на сцену. Перед Ронаном распахивались двери, тогда как другие гости должны были использовать собственные плебейские руки, чтобы войти внутрь.

– Ты политик? – Я не смогла сдержать любопытства, когда вошла в теплую ложу, хотя, если подумать, понятия не имела, что за политик будет ошиваться в грязном ресторане в неблагополучной части города и носить при этом Audemars Piguet на запястье.

Он улыбнулся.

– Нет.

Это было все, что я получила в ответ, прежде чем мы заняли места и принялись наблюдать, как люди, тянущиеся цепочкой, рассаживаются внизу. В уютной, но наэлектризованной тишине мое внимание привлекли его пальцы, постукивающие по подлокотнику, черный ворон так близко от моей безусловно белой руки. У меня было ощущение, что он понял, что именно я сказала ему прошлой ночью, но подтвердилось это только сейчас, когда он ответил единственным словом.

– *Nevermore.*

Ронан посмотрел на меня и подмигнул.

У него были татуированные пальцы, и он только что процитировал знаменитого поэта. Это бросило меня в совершенно нелепый жар. Такой, что я поправила волосы, но жар лишь разгорелся сильнее, когда его взгляд прочертил огненную линию вниз по обнаженной коже, скользнув над ключицей и остановившись на подвеске в форме звезды между моих грудей.

В ложу вошел служащий театра, развеяв, как дым, густое напряжение. Он попросил нас заказать напитки, что, по-видимому, было услугой, доступной лишь нам.

– «Корс». Охлажденную, – ответил Ронан за нас обоих.

– Мне просто воды, пожалуйста, – возразила я.

Служащий немедленно бросился выполнять приказ Ронана.

Когда мы вновь остались наедине, Ронан бросил на меня строгий взгляд.

– Ты в России, *котенок*.

Я взяла стакан с прозрачной жидкостью, зная, что это не вода. Дома я лишь изредка выпивала бокал шампанского, если не считать единственного раза, когда напилась бутылкой UV Blue и 7UP.

Потребовались одна ночь на яхте, которая покачивалась на волнах, и самодовольная дерзость, чтобы понять, что алкоголь и Мила Михайлова не сочетаются. Я стянула с себя скромный купальник, который папа одобрил перед вечеринкой, а затем нырнула с носа яхты в открытую воду. Волны Атлантики поглотили одобрительные крики мужчин. Кончилось тем, что Иван нес меня домой, всю дорогу ворча, какая я тяжелая, а едва я оказалась дома, строгий папин выговор сразу же меня отрезвил.

Нахмурившись, я взболтала жидкость, в ушах все звучали упреки отца, хотя в его глазах сесть на самолет в Москву было гораздо худшим поступком, чем купание голышом.

– Ты первая женщина на моей памяти, которая хмурится на стопку водки за десять тысяч долларов.

Мои губы приоткрылись от шока, и я взглянула на Ронана, чтобы увидеть ленивый отблеск в его глазах. Он, очевидно, понял, что я пришла в ужас, узнав – еще даже не *выпив* – что он купил мне нечто столь дорогое. Это была его расплата за выбранную мной дешевую шубу.

Осознав все это, я уставилась на него. Он пристально смотрел в ответ.

– Ты всегда получаешь то, что хочешь? – дерзко спросила я.

Он ответил, чокнувшись со мной своей стопкой.

– *На здоровье.*

Мне столько было не осилить, но я не хотела мучить себя, потягивая стопку чистой водки. Я опрокинула ее одним глотком.

Не сводя взгляда со сцены, Ронан тихо рассмеялся, когда я закашлялась и задохнулась от жжения в горле.

Когда алкоголь огнем разлился у меня в желудке, что-то волшебное наэлектризовало воздух и пронеслось над притихшей толпой, открылся занавес, и представление началось.

Опера называлась «Пиковая дама». Поскольку исполняли ее по-русски, а мой фильтр «мозг-язык» был подкошен стопкой крепкого алкоголя, я задавала Ронану массу вопросов, но он, кажется, не возражал, часто переводя происходящее после очередного глотка водки, которую перекачивал на языке, смакуя так, будто это была просто вода.

– Я буду разочарована, если они не умрут, – заявила я в ответ на то, что творилось на сцене.

Уголок его губ дернулся.

– Я думал, ты – милая девушка, любящая «а потом все жили долго и счастливо».

Мое «долго и счастливо» сорвалось с уст сумасшедшей гадалки и, к сожалению, я давно уже не верила ни в сказки, ни в приметы. Остановив взгляд на сцене, я принялась тереть свой кулон, горячее затишье, воцарившееся в животе после обжигающей водки, смягчило мои слова.

– Я верю в «счастливы здесь и сейчас». В... настоящее. Уникальное. – Отпустив подвеску, я взглянула на него, каждую мою клеточку пронизывали тепло и легкость. – Мне нравится уникальность.

Я сидела в красном бархатном кресле в центре Москвы, удерживая взгляд этого мужчины в вибрациях оперного сопрано, опьяненная водкой и очарованием, и это было лучшее «счастлива здесь и сейчас», какое я когда-либо испытывала.

Чем дальше мы смотрели друг на друга, тем быстрее распространялось по моим венам опьянение. Глядя на него полуприкрытыми глазами, я откинула голову на спинку кресла.

– Пить хочется.

– Ты пьяна. – Это было практически обвинение.

Тихо рассмеявшись, я ответила:

– Ты заставил меня выпить.

– Я не знал, что ты выпьешь залпом, словно студентка на посвящении.

Я улыбнулась сравнению.

– Не все же должно быть так, как тебе хочется.

Взгляд, который он бросил на меня, говорил, что все, и сухая властная искра окончательно иссушила мой рот.

– Так пить хочется, – повторила я, слегка, томно склонив голову набок.

Мгновение он смотрел на меня задумчиво, с выражением более мрачным, чем облачная ночь, затем протянул мне свой стакан, который уже снова был полон. Я подумала, что он может щелкнуть пальцами и на подносе появится Perrier, но я была бы не прочь поделиться с ним. Я сделала глоток водки, которая обжигала меньше, чем его взгляд. Вернув ее, я снова обратила внимание на сцену, чтобы молча смотреть и слушать гипнотический голос Лизы.

Я была либо более пьяна, чем думала, либо Лиза в паузах меж своими партиями поглядывала на меня. Она была великолепна, с длинными черными волосами и экзотической внешностью. Понадобилось какое-то время, чтобы понять: она смотрела не на меня, а на Ронана.

Глава восьмая

basorexia (суц.) – непреодолимое желание поцеловать

Мила

Во время антракта один из служителей театра сунул Ронану листок бумаги. Он прочел записку, а затем спрятал ее в карман. Назовите это интуицией, но я знала, что записку написала Лиза.

Когда занавес опустился и снова зажегся свет, мы направились по коридору к выходу, но что-то заставило меня остановиться. Портрет на стене в яркой золотой раме. Волосы моей матери были собраны в элегантную высокую прическу, а глаза сияли живым светом. Ронан ждал позади меня, и если заметил странное сходство, то ничего не сказал.

Я сглотнула и последовала за ним из театра.

Моя мама выступала тут. Теперь я знала наверняка. Может быть, завтра я могла бы вернуться и расспросить кого-нибудь из сотрудников. Кто-то должен был знать, была ли у нее семья и где я могу ее найти.

Обойдя большую часть толпы снаружи, мы прошли мимо старомодной билетной кассы, где мое внимание привлекла сидящая на земле, завернутая в тонкое изодранное одеяло пожилая женщина. Ее глаза были полны мольбы, и, когда ее взгляд встретился с моим, моих ушей достиг испуганный шепот:

– *Дьявол.*

Волосы у меня на затылке встали дыбом, дыхание превратилось в рваные облачка пара. Я остановилась и оглянулась через плечо, как будто позади меня мог стоять краснорогий Дьявол, но Ронан подхватил меня под руку.

– Ты стоишь на дороге, *котенок.*

– Прошу прощения, – пробормотала я.

Она же не могла сказать это, да? От сотрясений бывают галлюцинации?

Мы дошли до машины, но я замешкалась.

– Прошу прощения, – сказала я. – Сейчас вернусь.

Развернувшись, я принялась проталкиваться сквозь толпу обратно к кассе. Когда старуха увидела, что я приближаюсь, ее глаза распахнулись от страха. Она начала вставать, но я попыталась успокоить ее.

– *Нет... друзья.*

Я считала, что сказала «друзья», но она смотрела на меня так, будто я сказала «дядья», что было раздражающе вероятно. На своих каблуках и в шубе я присела перед ней на корточки, достала из клатча пару купюр и протянула ей. Хотела бы я отдать ей все свои деньги, но я знала, что если сниму наличные в банкомате, Иван найдет меня и заставит вернуться домой. Я еще не готова была возвращаться. Женщина с опаской посмотрела на рубли, но потом, как будто решив, что они могут исчезнуть, выхватила их у меня из рук. Ее руки были красными и грубыми, и от порыва ветра ее сотрясла дрожь. Я задумчиво прикусила губу.

Ох, да пошло оно все.

Я сняла шубу и накинула ее ей на плечи. Она поглотила маленькую фигурку. Я не знала, как отнесется Ронан к тому, что я отдала роскошную шубу, которую он мне только что подарил, безумной бездомной, но совесть не позволила бы мне спать сегодня в теплой постели, пока она здесь мерзла. С благоговением она провела грязными пальцами по белому меху.

– *Ты ангел,* – выдохнула она.

Ее вера в то, что я – ангел, загладила впечатление, оставленное ее словами о *Дьяволе*. Может быть, ее разум застрял в эпизоде «Сверхъестественного».

На пути обратно к машине я избегала взгляда Ронана, нервничая из-за его возможной реакции и жалея о том, что уже протрезвела. Альберт стоял, прислонившись к дверце пассажирского сиденья, настороженно наблюдая за мной и куря очередную сигарету.

– Знаешь, это тебя убьет.

Он поднес сигарету к губам и глубоко затянулся.

Я с вызовом вскинула бровь.

– Продолжай курить, и твоя смерть разобьет множество девичьих сердец.

Он фыркнул.

Наконец я перевела взгляд на Ронана, стоявшего с непроницаемым выражением лица. Служащий, который подавал нам напитки, подбежал и что-то тихо сказал Ронану, опустившему взгляд. Я заметила в них тень раздражения.

– Сейчас вернусь, *котенок*. – Его темный взгляд скользнул по моему телу, лаская и воспаляя каждый изгиб, заключенный в тонкую желтую ткань. – Подожди в машине. На улице холодно.

Он направился к дверям театра, служитель в красном последовал за ним, словно комнатная собачка. Ронан выделялся в толпе не только потому, что народ расступался, словно Красное море, чтобы пропустить его, но и из-за плавной властной походки. Он шел так, будто тротуар под его ногами принадлежал ему. Его темный силуэт посреди метели оказывал мощное и расслабляющее воздействие на каждый мой нерв – словно ровное «*биип*» сердечного монитора.

Чувствуя себя неуверенно, я повернулась к Альберту, который буквально закатил глаза, глядя на меня. Очевидно, я не слишком скрывала заинтересованность его боссом. Мои щеки покраснели от холода, но кровь горела, поэтому я прислонилась к машине рядом с ним. Моя рука коснулась его, и он посмотрел на меня так, будто я вызвала его на соревнование по плевкам. Я вскинула бровь.

– Если продолжишь так на меня смотреть, решу, что ты в меня влюблен.

– Он велел тебе сесть в машину.

– Ужасно властный, да?

Он не стал ни отрицать, ни соглашаться, просто смотрел и выдыхал облака дыма.

– Серьезный вопрос, – дерзко сказала я, – и отвечай обдуманно, поскольку это решающий фактор в том, сможем ли мы подружиться. – Выдержав паузу, достаточную, чтобы убедиться, что он осознает серьезность вопроса, я спросила: – Даки или Блейн?

Его прищуренные глаза остановились на мне.

– Это язык, которого я не понимаю.

Я улыбнулась.

– Поп-культура? Возвращение кино восьмидесятых и все такое.

Он смотрел так, будто мучился головной болью, и я не смогла сдержать смешка.

Через минуту я спросила:

– У тебя есть подруга?

– *Нет*.

– Учитывая твоё выдающееся красноречие, не представляю, как так получилось.

Он не ответил, не снизойдя с высоты своего невероятного роста. В нем точно было два метра. Всю свою жизнь я ощущала себя неприлично высокой, и для разнообразия было приятно почувствовать себя самой маленькой в компании.

– У меня есть подруга Эмма. Она любит ворчливых гигантов, – сказала я ему. – Говорит, они мягкие и нежные внутри, а ей просто хочется вскарабкаться на них, словно на дерево.

Он даже глазом не моргнул.

Я вздохнула.

– Ты меня вообще нормально слышишь с высоты своего роста?

Что-то похожее на веселье промелькнуло в его взгляде, и меня наполнило ощущение успеха, поэтому я продолжила.

– Каждый вечер вторника мы работаем волонтерами в приюте для бездомных. – Я потеряла руки, почувствовав, как меня пробирает холод, и отметила, что безумная женщина исчезла в ночи, словно призрак. – Эмма любит вязать, скрапбукинг и кошек. – Я рассмеялась, увидев, как неприязненно изогнулись его губы. – Только представь, она могла бы связать тебе огромный рождественский свитер с маленькими колокольчиками.

Его холодный взгляд устремился в мою сторону, как будто это предложение соблазнило его.

– Только дай знать, и я сведу вас, ребята, – сказала я. – Отношения на расстоянии всегда закладывают лучшую основу любви.

Он смотрел так, будто всерьез обдумывал это, но потом спросил:

– Ей нравится, когда ей затыкают рот и шлепают? – Он пытался шокировать меня, и это сработало. Я не смогла не покраснеть, что, наконец, вызвало у него легкую улыбку. Очевидно, лишь унижение могло вызвать какую-то реакцию у этого гигантского ублюдка.

– Эм, не уверена, но могу спросить.

– Спроси. – Он бросил окурочек на тротуар.

– Эй, – возмутилась я. – У нас всего одна планета, Альберт.

Он уставился на меня как на чокнутую, когда я затоптала окурочек, прежде чем поднять. А потом – как на чокнутую со справкой, когда я сунула окурочек в карман его пальто.

– Хочешь жить на Марсе? – спросила я. – Я не хочу.

– А где уверенность, что ты не с Марса?

– Ха-ха. В сборнике шуток, который наш повар Боря держит в туалете, я читала шутки и получше.

Это вызвало у него настоящий смех, который прервался так же быстро, как и начался. Потому что позади меня стоял Ронан, наблюдая за нами, словно оба мы были марсианами и не нравились ему.

Он открыл дверцу машины, и я скользнула на заднее сиденье. Когда он сел рядом, тишина сдавила грудь. Ронан даже не смотрел на меня, лишь выглядывал в окно, хотя от его присутствия зудела кожа. Ему не нужно было даже озвучивать то, что он недоволен тем, что я отдала шубу. У меня было чувство, что это не имело никакого отношения к цене.

– Прошу прощения. – Я сглотнула. – За шубу.

Он пристально посмотрел на меня, испытующе и вдумчиво, тяжесть этого взгляда оглушила мое тело парализующей энергией.

– Тебе так нравится извиняться.

Я открыла рот, чтобы ответить, но, поглощенная молчаливым неодобрением Ронана, которое могло бы поспорить с неодобрением моего отца, сказала лишь:

– Извини.

– Не стоит, – ответил он. – Тебя не должно волновать, что думают другие. Поверь, им на тебя плевать.

По какой-то причине эти слова прозвучали предостережением.

Он был загадкой, одетой в Valentino и с нецензурной лексикой, готовой сорваться с его губ... Не знаю, почему я находила этот контраст привлекательным. Может быть, в силу его новизны и откровенности.

– Это очень пессимистический взгляд.

Он подавил улыбку, будто я сказала что-то милое.

– Это взгляд реалиста.

Я чувствовала себя так, будто обязана была доказать ему, что он не прав, убедить, что не все на свете против него. Я могла не верить в волшебные счастливые финалы, но видела добро в его чистейшем проявлении. Видела людей, отдававших последнюю рубашку тем, кто нуждался в ней больше. Видела матерей, готовых проходить километры, лишь бы их дети были накормлены. В этом мире существовало добро, и это была позиция, за которую я готова была умереть.

– Мальчик на том фото в твоём кабинете, держу пари, ему не плевать на тебя.

Было между ними – двумя грязными, бездомными уличными мальчишками – что-то, что кричало о преданности.

– А кому не плевать на тебя?

Я не колебалась.

– Папе.

Я знала, что это правда. Независимо от того, какие тайны он скрывал от меня, и тревоги из-за того, что оставил меня, я знала, что он меня любит.

Для Ронана в моем ответе было что-то неприятное.

– У тебя доброе сердце.

Я ничего не ответила, ведь как бы меня это ни раздражало порой, это была правда.

– Не стоит быть такой, – сказал он, как будто изменить это так просто. – Добрые сердца легче разбить.

Мне стало любопытно, кто привил этому человеку такой критический взгляд на жизнь, кто выбросил его на холодную улицу. Что бы ни случилось с ним, он все еще оставался добрым и щедрым, и я не могла не считать это невероятно привлекательным.

– Добрые сердца самые верные, – возразила я.

– И наивные.

– Если ты хочешь сказать «доверчивые», то да.

– Наивные, – пригвоздил он.

– Искать лучшее в людях не возбраняется.

Альберт с водительского сиденья фыркнул, очевидно, подслушивая.

Я вскинула бровь.

– Если мир так плох, то почему ты помог мне, незнакомке?

Мои слова повисли в воздухе, пока мы пристально смотрели друг на друга. Я должна была отвести взгляд, должна была поддаться желанию отвернуться прежде, чем голова лопнет, – но я не стала этого делать. Каким-то образом это превратилось в вызов. Ронану это не понравилось.

Или, может быть, он просто не привык к подобному.

Он прищурился.

– Не играй в игры, в которых не можешь выиграть.

– Я не расстраиваюсь, проигрывая, – ответила я, не желая сдаваться.

– Ты – воплощение альтруизма, не так ли?

– Конечно, нет. – Многое говорило об обратном, но вырвавшийся ответ звучал неуверенно даже для моих собственных ушей. – Иногда не остается иного выбора.

Он тихо рассмеялся, будто не мог удержаться.

– Это тревожный знак, *котенок*. Кажется, я уже не смогу смотреть на тебя так, как раньше.

Из всего этого я поняла лишь то, что он, возможно, захочет увидеть меня снова.

Я проигнорировала раздражающий румянец, но Ронан, должно быть, заметил, потому что лицо его стало мрачным.

– Ты слишком мила себе на беду.

– Можешь взять немного себе. У меня этого в избытке. – Это предложение сорвалось само, без единой мысли о том, как оно может быть воспринято.

Вся игривость, витавшая в воздухе, утонула под его пристальным взглядом. Он обжег меня горячим язычком пламени. Мое сердце сжалось от напряжения, решимость поколебалась. Но потом он провел большим пальцем по шраму на нижней губе и отвел взгляд в сторону.

Я испустила сдерживаемый вздох, и на моих губах появилась улыбка.

Он даже не взглянул в мою сторону, но, должно быть, почувствовал мой триумф, потому что сказал:

– Хотя не такой уж и благородный победитель.

Меня вновь наполнило веселье, но внезапно вместе с движением машины на меня накатил приступ головокружения. Ронан, конечно, заметил.

– Когда ты в последний раз ела?

Я прикусила губу.

– Сегодня утром.

В его глазах вспыхнуло неодобрение, вероятно, потому что в его кабинете я съела лишь половину тарелки.

– И часто ты моришь себя голодом?

Я нахмурилась.

– Нет. Просто иногда забываю поесть.

– Чего тебе хочется?

На самом деле мне было все равно. Но на ум пришло кое-что.

– Картофель фри.

Он улыбнулся.

– Такая американка.

Через пять минут я держала в руках горячую коробку, полную картошки фри. Я с удовольствием поглощала божественно вкусные соленые кусочки. Он смотрел, как я ем, уделяя мне больше внимания, чем опере, которую мы только что смотрели, и это заставляло мое сердце гореть огнем в груди.

Я предложила ему картошку, что его разозлило.

– Перестань раздавать вещи, которые я тебе покупаю.

Чтобы скрыть легкую улыбку, я разломила картошку пополам. Его взгляд опустился на мои губы, и тепло разлилось по телу, когда я слизнула с них соль. Радужки Ронана, когда он отвел взгляд, были черными.

Остаток короткой поездки мы провели в молчании. Его рука лежала на бедре, и никогда в жизни я не ощущала так остро мужские руки. Держу пари, они бы касались женщины твердо, уверенно... может быть, даже немного грубо. При этой мысли мое бедро сквозь разрез платья завибрировало, словно наэлектризованное. Мурашки побежали по телу там, где моя нога касалась его, и прищурившийся Ронан заметил это прикосновение, принявшись татуированным пальцем постукивать по ноге.

Будто банка газировки лопнула и *зашипела* в машине.

Мне стало жарко, когда я представила, как он скользит по моей обнаженной коже и проникает под платье. Одна лишь мысль об этом подействовала на меня как наркотик, разлившись по крови горячей беспокойной энергией.

Хотя я знала, что он не прикоснется ко мне. Не к *наивной* и невинной мне. Я знала, что, если хочу, чтобы он взглянул на меня иначе, придется взять дело в свои руки. Мне пришлось бы действовать прямолинейно, как *Лизе*.

Зная, что в его кармане лежит записка от нее, предлагающая, скорее всего, что-то сексуальное, и тот факт, что он, вероятно, оставил меня у машины, чтобы встретиться с ней, я почувствовала странную... *ревность*. Неприятный узел скрутился внутри меня, и этот намек на зеленый свет придал мне храбрости.

Ну, небольшой прилив храбрости.

Когда он провел меня до номера, я занервничала. Руки стали липкими, и я вытерла их о платье.

– Ты так и не сказал, чем занимаешься, – рассеянно сказала я, чтобы отвлечься, потому что храбрость исчезала с каждым шагом к двери. Он что-то ответил, стоя на шаг позади, но я не могла расслышать ни слова. Мое сердце колотилось в горле, кровь прилила к коже, и я сделала это.

Я повернулась и прервала его поцелуем.

Поцелуй вышел немного мимо. Неумело. Мы столкнулись зубами.

Я отстранилась, чтобы увидеть, как его взгляд сверкнул весельем, пока он вытирал подушечкой большого пальца уголок рта. Но я была слишком *разгорячена* и на взводе после короткого соприкосновения наших губ, чтобы смущаться того, как все неловко получилось.

– *Котенок*, – он протянул слово с тихим предостережением, – ты понимаешь, что делаешь?

Неа.

Я покачала головой.

Он пристально смотрел на меня.

– Ты обычно так целуешься на свиданиях?

Значит, это все же было свидание?

Я снова покачала головой и ответила, задыхаясь.

– Тебя первого.

Веселье в его взгляде сменилось удовольствием. *Жаром*. Чем-то пропитанным желанием и удовлетворением. Он шагнул вперед, заставив меня вжаться спиной в дверь, и опустил руки на притолоку над моей головой. Мой пульс отдавался в ушах далеким свистом, подавленный дрожью, разливавшейся по коже от близости его тела. Мне не хватало воздуха, чтобы дышать.

В его голосе звучала теплота, задумчивый рокот так близко к моим губам, что я могла почувствовать его вкус.

– Мне всегда нравилось быть первым.

Затем его губы мягко коснулись моих. Как будто я была слишком юна и невинна, чтобы выдержать нечто иное.

Волна ярости пронзила меня до глубины души от легчайшего прикосновения его губ к моим. Мне нужно было больше.

Гораздо больше.

Я коснулась его лица, провела рукой по щеке к волосам и крепче прижалась к его губам. Ему это не понравилось, и он дал это понять, прикусив мою нижнюю губу. Прикосновение его зубов вызвало у меня отчаянный стон. Я подумала, что он отстранится, но он нежно прикоснулся к моим губам, сначала к верхней, затем к нижней.

Каждый сантиметр моего тела дрожал и воспламенялся всякий раз, как мое тело касалось его. Я двинула бедрами и выгнулась ближе к нему, чувствуя невероятный жар под его дорогим черным костюмом, а затем лизнула его рот. Как будто рефлекторно, он засосал мой язык. Жар, крошечное жаркое покалывание пожирало меня изнутри.

Он отстранился, чтобы хрипло сказать:

– *Ты даже на вкус сладкая*.

Я понятия не имела, что это значит, но мне было не настолько любопытно, чтобы спрашивать. Я лишь хотела, чтобы его губы снова прижались к моим. Я поддалась порыву провести языком по шраму на его нижней губе.

Мое движение пропитало воздух, словно грязный, плотский грех. С мрачным взглядом он сократил и так небольшое расстояние между нами, и я потерялась. Его сдержанность таяла с каждым прикосновением наших губ. Каждый поцелуй был жестче и влажнее предыдущего.

Пламя пронзило меня, когда я провела ногтями по его спине. Он низко зарычал, и медленное скольжение его губ стало грубее.

Ронан придвинулся ближе, прижимаясь эрекцией к нижней части моего живота. Когда его губы опустились на мое горло, я со стоном откинула голову на дверь. Его руки по-прежнему лежали на притолоке надо мной. Горячий и влажный, он проложил поцелуями дорожку вниз по моей шее, отчего внутри меня разгорелись искры. Взгляд затуманился, между ног тяжело пульсировало. Я была горячим огненным шаром, с каждой секундой разгорающимся все жарче.

Он провел губами по моей ключице и прикусил мягкую плоть над корсажем. Мои соски напряглись от близости и тепла его губ. Я сходила с ума в этом коридоре и вдруг оказалась готова на все, лишь бы он стянул с меня платье, обнажил мою грудь и прижался к ней ртом.

Мои руки были повсюду: на его лице, волосах, теперь – скользнули под жилет, чтобы ощупать его пресс, который оказался таким же упругим, как выглядел.

– *Прикоснись ко мне*, – молила я.

Руки Ронана не сдвинулись с притолоки, но он словно знал, что мне нужно. Просунул свое бедро меж моих бедер. Прямо к клитору. Я начала задыхаться, волна наслаждения скользнула вниз по позвоночнику, когда я потерлась о его бедро, чувствуя зарождающееся напряжение разрядки.

Я была *желанием*, вспыхнувшим, влажным и жаждущим.

Он отстранился, прищурившись, но взгляд его был полон жара, пока он наблюдал, как я трюсь о него. Наблюдал за обнаженным бедром, проглядывавшим сквозь разрез платья. Напряжение очертило линию его плеч, напрягло мышцы на его руках, и мысль о том, что он, возможно, пытается сдержаться, лишь усилило мое отчаянное желание, чтобы это продолжилось.

Я схватила его за волосы, чтобы снова притянуть его губы к моим. Он не поддался. Я потянула сильнее. Он захрипел в мою грудь, затем поднял светящийся вызовом взгляд на меня. Коснулся моих губ, но, когда я придвинулась, чтобы углубить поцелуй, отстранился за пределы досягаемости. Чтобы подразнить меня или убедиться, что я знаю, в чьих руках власть. Пока я нетерпеливо ждала, он дал мне то, что я хотела, *сильно* прикусив мою нижнюю губу, а затем лизнув ее.

Я застонала ему в губы и снова потерлась о него, желая новых прикосновений. Ощущение пустоты меж моих бедер лишь нарастало и *нарастало*, и я поцеловала его без изящества, с отчаянным стоном в губы.

– *Твою мать*, – прохрипел он мне в губы. – Ты что, кончишь на меня, *котенок*? – Его голос с акцентом царапал слух, словно песок.

Я не смогла бы ничего сказать, даже если бы захотела. Он плотнее прижал ко мне ногу.

Я уткнулась лицом ему в шею, прикусив губу, когда меня пронзил оргазм – душный ад, выбивший дыхание из легких. После я задрожала, прижавшись к нему.

Наконец он прикоснулся ко мне, сжимая мои волосы и откидывая мою голову назад, чтобы посмотреть на меня.

Я прислонила голову к двери, полуприкрыв глаза. Возможно, мне должно быть стыдно за то, как легко и до смешного быстро он заставил меня кончить. Но я не чувствовала ничего, кроме того, как невероятно сильно он прижимался ко мне, кроме тепла его тела и ошеломляющего покалывания в венах.

Он смотрел на меня, как мне показалось, очень долго. А потом я увидела, как что-то жесткое сменило желание в его взгляде. Отступив, он напряг плечи, оставив меня замерзать, пока я пыталась отдышаться.

– Иди внутрь и запри дверь, Мила. – Сказано это было вовсе не мягко, и это не являлось предложением.

Мгновение я пристально смотрела на него, а затем молча повиновалась.

Как только дверь за мной закрылась, я соскользнула по ней, дрожа, в то время как горячий ожог его губ все еще тлел на моей коже.

Глава девятая

moonstruck (прил.) – мечтательно романтический, зачарованный

Мила

Меня разбудил стук. Я застонала и накрыла лицо подушкой, когда увидела, что на часах всего семь. Я долго, до раннего утра не ложилась, смотря русские ситкомы. Кожа все еще горела после поцелуев Ронана. После них невозможно было уснуть.

Я все еще не могла поверить, что от его поцелуев *кончила* в коридоре. Мне хотелось бы думать, что это был циклон подростковых гормонов и подавляемого желания, но я знала, что это химия между нами. Та, что обжигала, словно солнце на раскаленном асфальте, просто от того, что мы находились в одном помещении. И теперь я знала, что он тоже чувствовал это. Я могла лишь предположить, что его тревога после того, как все закончилось, была вызвана тем, что он вспомнил: мне всего девятнадцать.

Как будто это могло помочь, я планировала сказать ему, что на самом деле мне двадцать. Когда стук продолжился, я вздохнула, откинула одеяло и прошла через комнату, чтобы открыть дверь, отчасти ожидая увидеть за ней Ивана. Но это был всего лишь подросток с большой белой коробкой и бумажным пакетом на ней.

– Мила Михайлова?

– Э, да?

Он сунул посылку мне в руки и ушел.

Я проследила, как он уходит, захлопнула дверь ногой и поставила коробку на кровать. Заглянув сначала в пакет, я улыбнулась. *Завтрак*. Открыв коробку, я нашла открытку.

«Не отдавай ее никому.

Ронан».

Я достала длинную шубу. Она была мягче и роскошнее предыдущей. И, вероятно, была возмутительно дорогой, но мое легкомысленное сердце все равно застучало быстрее от этого поступка. Я запустила руки в карманы шубы и упала обратно на постель, где съела восхитительную веганскую выпечку, проводя пальцами по белому меху.

Мне нравился Ронан.

Очень нравился.

Одна мысль о нем заставляла мое сердце биться в волнующем ритме. Я прилетела в Москву в поисках ответов, но теперь мне больше хотелось узнать, куда может завести это *чувство*.

Тесто скисло в животе при мысли о том, что ждет меня дома: ужасающая лекция, Картер и обыденность. Хотела бы я избежать этого, но чувство вины душило из-за того, что я оставила Ивана в неведении. Я знала, что не продержусь дольше недели, прежде чем скажу ему, где нахожусь, и попрощаюсь с первым вкусом свободы, поэтому планировала максимально использовать свои семь дней в Москве.

Вытащив себя из постели, я приняла душ и надела кокетливое лимонное платье и ботфорты, которые едва поместились в моей сумке, но были нужны для поднятия морального духа.

Проходя через вестибюль, я с улыбкой поприветствовала девушку за стойкой, сказав: «Здравствуй».

Она распахнула глаза, затем опустила взгляд на монитор перед собой. Моя улыбка погасла. Казалось, все здесь невзлюбили меня с первого взгляда. Может быть, они видели, что я – американка. Неужели отношения моей страны с Россией *настолько* плохи?

Консьерж рядом с ней оглядел меня с невозмутимым лицом. Он выглядел так же дружелюбно, как мисс Транчбул в «Матильде», но, по крайней мере, не игнорировал меня.

Я направилась к парадным дверям, под холодное и пасмурное небо.

Моя прогулка была долгой, и кожа между платьем и ботфортами онемела за три квартала, но я должна была экономно расходовать свои наличные и не хотела тратить их на транспорт. Учитывая то, как странно вел себя Иван, я не знала, на что он пойдет, чтобы заставить меня вернуться в Майами до того, как закончится моя неделя свободы.

Москва была прекрасным городом, полным богатой архитектуры и истории. Я осматривала все широко раскрытыми любопытными глазами. Я родилась здесь и, гуляя по улицам, чувствовала себя ближе к своим корням. Даже дышалось здесь легче. Я ощущала вкус свободы.

Мне пришлось дважды останавливаться и спрашивать дорогу, но в конце концов я оказалась у оперного театра. Ветер трепал мой конский хвост, и я дрожала под шубой. Место выглядело заброшенным, но я все равно попробовала открыть входную дверь.

Она была заперта.

Я подергала, но она не сдвинулась с места. Сложив руки у глаз, я всмотрелась сквозь стекло. В фойе было пусто, не было видно даже уборщицы. Может быть, мне повезет позже.

Разочарованная тем, что ничего не добилась, я пошла назад.

Через несколько кварталов знакомое ощущение коснулось затылка. Неприятный холодок пробежал по коже, я остановилась и оглянулась. Пешеходы расступались, чтобы обойти меня. Казалось, никто не обращал на меня никакого внимания, поэтому я попыталась забыть о дискомфорте.

Я не успела далеко уйти, прежде чем снова почувствовала это. Бросила еще один взгляд назад, и сквозь толпу увидела татуированную руку, подносящую сигарету к губам. Этот образ напомнил мне о мужчине, сидевшем вчера в машине напротив моего отеля.

Все внутри меня похолодело. Мог ли кто-то на самом деле следить за мной, как сказал Иван?

Зачем?

Мои мысли поглотили ужасные вещи, вроде секс-рабства, я сунула руки в карманы и ускорила шаг. Я снова оглянулась и увидела, что мужчина в черном пальто курит и следует за мной на удобном расстоянии. Моя грудь сжималась с каждым быстрым неглубоким вздохом. Добравшись до дверей отеля, я оглянулась, чтобы увидеть, что человек исчез.

И тут я врезалась во что-то твердое и вскрикнула.

– Воу.

Я знала этот голос. Прижала руку к сердцу, когда Ронан поддержал меня.

– Ты в порядке?

– Я подумала, я... – Я задыхалась.

Может быть, этот человек работал неподалеку, и это было просто совпадение. Если бы он хотел причинить мне зло, он бы сделал это, когда я вглядывалась в пустое здание на безлюдной улице – легкая добыча. Ведь так?

Я превращалась в параноика. И в этом винила Ивана.

– Прощу прощения, – сказала я и шагнула назад, мое беспокойство таяло в тепле его присутствия.

– Что я говорил тебе насчет извинений?

Я нахмурилась.

– Я столкнулась с тобой. Это не те манеры, которым меня учили.

– Дважды, – задумчиво произнес он.

– Что?

– Ты дважды сталкивалась со мной.

Как я могла забыть? У меня перехватило дыхание. Непривычное осознание вспыхнуло внутри. В голове пронесся смех мадам Ричи, и дрожь пробежала по коже. Сбитая с толку и слегка встревоженная, я открыла рот, чтобы извиниться еще раз, но закрыла его, когда он прищурился.

– Этот город съест тебя живьем.

Я восприняла это буквально, и воображение нарисовало ужасную сцену, в которой зомби разрывали мою плоть.

– Ты ведь не суеверен, да? – вдруг спросила я.

На его губах появилась полуулыбка.

– Конечно же, я суеверен. Я русский.

Я игриво закатила глаза.

– Отлично. Не говори мне, что тоже веришь в эту чепуху с *Дьяволом*. Я отказываюсь верить в красную кожу и раздвоенные хвосты.

Он серьезно посмотрел на меня, проведя пальцем по нижней губе.

– О, он реален, *котенок*.

Я вскинула бровь.

– Сеет хаос и похищает девственниц по ночам.

Он сказал это так искренне, что у меня вырвался тихий смешок. Что-то тяжелое и теплое оседало между нами с каждым вздохом.

Его взгляд был настороженным, пока он рассматривал меня.

– Вижу, ты приняла шубу.

– Да. Спасибо. Я определенно не заслуживаю ее после того, как отдала предыдущую, но все равно ценю подарок.

– Без шубы ты тут заledenеешь в пять минут. – Его теплый взгляд остановился на моих бедрах, и следующие слова прозвучали с упреком. – И тебе, вероятно, стоит подумать о том, чтобы носить брюки.

Я опустила взгляд и заметила, что моя шуба полностью закрывала платье, и казалось, будто под ней ничего не надето. Мой гардероб мог быть непрактичным, но он был *моим*.

– Может, я и выросла в Майами, но родилась в Москве, – сказала ему я. – Во мне тоже есть русская кровь.

Как только слова сорвались с моих губ, тепло между нами растворилось, словно облако дыма, сменившись чем-то более ледяным, чем холод. Мои легкие сжимались с каждой секундой молчания, пока я не махнула на двери отеля.

– Не хочешь... подняться?

– Нет.

Ладно. Будем разговаривать о том, как влетать в людей.

– Значит, ты просто околачивался возле моего отеля? Ждал, пока на тебя налетит ничего не подозревающая женщина?

Позади фыркнули, и я обернулась, чтобы увидеть Альберта, стоящего на обочине с очередной сигаретой.

Ронан направился к машине.

– Идем. Пора обедать.

Он не спрашивал, но мое влюбленное сердце потянуло меня следом без возражений.

Он обернулся взглянуть на меня.

– Но картошки фри не жди.

– В таком случае... – Я остановилась, сунув руки в карманы шубы, как будто передумав.

В ответ на это я услышала тихий смех, согревший меня изнутри, словно глоток горячего шоколада, и одарила Альберта обаятельной улыбкой.

– Доброе утро, Игорь.

Он закатил глаза, собираясь бросить сигарету на тротуар, но замер, когда я многозначительно произнесла:

– Марс.

Бросив демонстративный взгляд вниз, он неохотно прошел полметра до пластикового мусорного контейнера отеля и бросил окурочек туда. Ронан вопросительно приподнял бровь, наблюдая за этой странной перебранкой.

– Это локальная шутка, – пояснила я ему, как будто мы с Альбертом знали нечто особенное.

Кажется, Альберт был не согласен. Я слышала, как он фыркнул, обходя машину.

– Мы говорили об этом, – сказала я с беспокойством. – Ты нам безразличен. Не стоит смущаться.

Огромный мужчина потер лицо, чтобы скрыть малейшие признаки сардонического веселья, прежде чем скользнуть на сиденье водителя. Ронан наблюдал за нашей перебранкой с невеселым видом. Очевидно, ему было не смешно.

Он молча открыл для меня заднюю дверь, и я сглотнула, когда он сел рядом со мной. Он пах так хорошо, что оглушал чувства, воскрешая воспоминания о прошлой ночи. Липкими руками я провела по своим голым онемевшим бедрам.

– Кстати, мне двадцать, а не девятнадцать.

Его, похоже, позабавило это признание, как будто я была ребенком, гордо демонстрирующим руку с тремя растопыренными пальцами и объявляющим, что ему уже восемь.

– Да?

Я сглотнула.

– Мой день рождения был несколько дней назад.

– Мне тридцать два, *котенок*.

О.

Я считала, что ему еще нет тридцати, и поняла, что, вероятно, ничуть не успокоила его совесть. Как бы там ни было, что такое двенадцать лет? Очевидно, много, принимая во внимание мою неопытность и его грязный язык, спросивший, не собираюсь ли я кончить на него.

Хотя мое поведение прошлой ночью определенно не было невинным.

Воцарилось молчание. В этом густом напряжении мое сердце не могло найти свой ритм, так что я отвлеклась на достопримечательности. Облака разошлись, и солнечный луч упал на мое лицо, пока я рассеянно теребила подвеску-звезду на цепочке. Я взглянула на Ронана и обнаружила, что он наблюдает за мной. Задумчиво. Странно. Как будто я была сосулькой, свисающей с крыши над его головой, но блеск отвлек его.

Мне стало интересно, что он сделает, прикоснись я к нему прямо сейчас. Если я проведу рукой по его бедру и выше. Коснется ли он, наконец, меня? Тепло прилило к коже, дыхание замедлилось. Должно быть, он заметил мягкий жар в моих глазах, потому что его взгляд потемнел. От желания или гнева, я не была уверена.

– Вас в Майами, должно быть, не учат правилам безопасности.

Я оцепенела.

– Намекаешь на то, что мне стоит держаться от тебя подальше?

Он сверкнул зубами, затем отвел взгляд и снял ворсинку с брюк.

– Да, на твоём месте я бы уже выскочил и убежал.

Я уставилась на него.

Он снова посмотрел на меня, улыбнувшись. Он шутил. Но что-то в его взгляде так и не смягчилось.

Я сглотнула и снова посмотрела в окно.

Ресторан, в котором я ночевала пару дней назад и куда входила теперь через парадные двери, выглядел совсем иначе. Возможно, он был потрепан временем, но от ударивших в нос восхитительных запахов потекли слюнки. В отличие от первого раза, теперь тут было полно народу.

Я встретила взглядом с женщиной, которого уже видела в ту ночь. Курильщик. Он прислонился к барной стойке, нянча стакан с прозрачной жидкостью. Его взгляд блеснул чем-то столь резким, что я застыла. Следовало при первом же случае уточнить, что там с русско-американскими отношениями.

Ронан помог мне снять шубу, и от того, как его пальцы скользнули по ткани платья, между ног у меня запульсировало.

– *Желтое*, – задумчиво произнес он, не сводя глаз с платья, как будто задавался вопросом, что у меня под шубой.

Мое дыхание замедлилось.

– *Тебе... нравится желтое?*

Его пристальный взгляд поднялся, удерживая, давя, обжигая, крадя воздух из моих легких. Он так и не ответил, но что-то подсказало, что желтый ему нравился, так же как и мой неловкий русский.

Мы сели за столик в тускло освещенном углу, и разговор потек легко и непринужденно, чего не должно было быть с незнакомцем. Ронан спросил, училась ли я в колледже. В попытке не демонстрировать ему, насколько тривиальной была моя жизнь, я сменила тему и начала расспрашивать о нем. Я узнала, что фамилия у него – Марков, что у него есть брат, который живет в Нью-Йорке с беременной женой и маленькой дочерью. Ронан казался сентиментальным, когда говорил о них, и я еще больше отдалась в его руки. Скоро он сможет лепить меня, словно глину.

Он был обходителен и слегка неотесан, вытаскивая кубик льда из стакана водки за десять тысяч долларов и разгрызая его. Это только напомнило мне, как ощущались его губы на моих, как он грязно целовался и как не хотел трогать меня руками.

Сотовый в кармане моего платья непрерывно звонил. Когда я увидела на экране номер папы, телефон выскользнул из пальцев и с глухим стуком упал на стол, что, казалось, привлекло внимание всего зала.

Я наблюдала, как телефон жужжит и жужжит, сотрясая столовые приборы рядом, равно как и сердце у меня в груди. Я знала, что если отвечу на звонок, папа уговорит меня сесть на самолет домой. Я делала все, лишь бы он был счастлив, и зашла в этом так далеко, что готова была принять предложение руки и сердца от мужчины, которого даже не хотела, считая, что слова, сказанные шепотом в коридоре, померкнут, папа будет гордиться мной, и все будет хорошо.

Ронан приподнял бровь.

– Проблемы?

Я покачала головой, не желая делиться тем, что прячусь от отца и нанятой им няньки. У него уже были сомнения по поводу моего возраста. Дрожащей рукой я выключила телефон и положила обратно в карман. Мне всего-то нужна была неделя. Одна неделя никого не убьет.

Когда мы заканчивали обед, к столу подошел курильщик, питающий явное отвращение к американцам. Он не смотрел в мою сторону, но я кожей чувствовала его возбуждение. Грязные светлые волосы и расстегнутый пиджак, словно он только что трахался. Он был хорош собой в классическом смысле, хотя, вероятно, мог бы поработать над своей ксенофобией.

Он сказал Ронану несколько слов по-русски, слишком тихо, чтобы я могла расслышать. Ронан встал.

– Дай мне минутку, *котенок*.

Я кивнула и проследила, как он отошел в дальний конец зала. Этот человек был популярен.

Грязный блондин остался возле стола, засунув руки в карманы, и смотрел на меня так, словно я была букашкой, которую он хотел раздавить. «Убей их добротой» – таков был мой девиз. Ну... не всегда, но это был принцип, над которым я работала.

– *Здравствуй*, – с улыбкой сказала я. – Я Мила.

Мурашки побежали по коже, когда его взгляд прошелся по моему телу, а потом он с насмешливой улыбкой ответил:

– Костя. – Он пристально прищурился. – Может, он и покупает тебе модные штучки, но ты для него всего лишь еще одна шлюха.

Моя улыбка исчезла.

Никогда в жизни со мной так не разговаривали. Дома меня оскорбляли тонкими колкостями за спиной, а не грубостями в лицо. Этот человек даже не знал меня или того факта, что я все еще была девственницей, но слово «шлюха» ударило меня прямо в грудь.

И снова мне напомнили, что мне здесь не рады. Это заставило меня почувствовать себя изгоем, чем-то нелепым и неуместным. Неуместным как в Причалах, так и тут. Неприятие словно тиски сжало горло, пока на глазах не выступили слезы унижения. Костя выглядел мрачно довольным, когда одна слеза скатилась по моей щеке.

– Прошу прощения, – сказала я, схватив шубу со спинки дивана и надевая ее по пути к парадному входу. Когда я распахнула двери, кожу обласкал ледяной ветер. Альберт привычно стоял, прислонившись к машине у обочины, и курил сигарету. Он нахмурился, когда я подошла к нему. Я прислонилась к машине рядом с ним и вдохнула холодный промышленный запах города.

– У тебя все лицо в пятнах, – равнодушно сказал он, выпуская дым.

– Альберт, – вздохнула я, – иногда девушка не хочет знать правду. Точно так же, как, когда она спрашивает тебя, толстая ли у нее задница в этом платье, она не хочет услышать «да».

Он нахмурился.

– Кто-то сказал, что у тебя толстая задница?

Нет, меня всего лишь называли «шлюхой».

– Что-то вроде.

– Это неправда.

Я весело выдохнула.

– Не пялься на мою задницу.

– Я мужчина. Все мужчины пялятся.

Как по сигналу мимо прошла беременная, и взгляд Альберта тут же опустился на ее задницу.

Я хлопнула его по животу.

– Она беременная, изврат.

– Это всего лишь значит, что она давалка.

Мужской разум – загадка.

– Что означает «изврат»? – спросил он, провожая взглядом женщину.

Я тихо рассмеялась.

– Ну, знаешь, «извращенец». – Он все еще выглядел озадаченно, так что я продолжила. – Это слово означает того, кто постоянно думает о сексе.

– Любого мужчину.

– Возможно, но не каждый хочет затыкать женщине рот и шлепать ее, Игорь.

Он выпустил облако дыма и многозначительно посмотрел мне в глаза, от чего по коже у меня побежали мурашки.

– Ты больше не в Майами, *блондиночка*.

После минуты неловкого молчания я протянула руку за его сигаретой. Альберт посмотрел меня с подозрением, прежде чем вложить ее между моих пальцев. Чувствуя прилив храбрости, я глубоко затаилась и закашлялась так сильно, что едва не выплюнула легкие.

– О боже, это ужасно!

Он забрал сигарету обратно.

– А ты чего ожидала?

– Ожидала, что буду выглядеть очень круто, – пожаловалась я в промежутках между кашлем. – Как Холли Голайтли в «Завтраке у Тиффани».

– Не понимаю, о чем ты.

Это выглядело таким фарсом, что я не могла даже говорить об этом.

Я положила ладонь на грудь.

– Боже, я уже чувствую рак в легких.

Он рассмеялся.

Головокружение ударило так быстро, что я покачнулась. Альберт поддержал меня, опустив огромную лапищу мне на руку.

– Воу, – сказала я, рассмеявшись. – Кажется, меня вставило.

– Твою мать. – Он хохотнул. – Ты легонькая.

А потом он отпустил меня, веселье в воздухе погасло от чего-то напряженного и горячего. Чего-то, что могло детонировать, словно бомба. Моя улыбка дрогнула, и я повернулась, чтобы увидеть стоящего позади Ронана.

– *Нет*, – это было все, что он сказал Альберту. Очень твердое и сдержанное «нет». Я сглотнула, чувствуя, что сделала что-то не так.

Ронан открыл заднюю дверь, его пронизывающий взгляд не отрывался с водителя, пока я забиралась на заднее сиденье. Как только он сел рядом со мной и дверь закрылась, я, понятия не имея, за что извиняюсь, не смогла удержаться от того, чтобы не сказать:

– Прошу про...

Он схватил меня за затылок, притянув мои губы к своим. Я ахнула, жар, словно огонь, вспыхнул меж моих ног и лизнул каждую клеточку тела. Я растаяла в его грубых объятиях, потерявшись в горячих скольжениях его языка по моему. Мои соски напряглись, коснувшись его груди, послали искры ниже, и я замурылыкала ему в губы. Он низко застонал, втягивая мою нижнюю губу между зубами.

Когда его рука скользнула вверх по моему обнаженному бедру, я застонала от ощущения татуированных пальцев на моей коже. Его прикосновение заставило мои нервы искриться задыхающимся, неподдельным желанием. Он был так хорош на вкус, словно прямая инъекция водки в кровь. С каждым сантиметром его ладонь продвигалась все выше по моей ноге, все глубже проникая в мое сердце, оставляя жажду наполненности.

Меня трясло от желания, жгло с каждым прикосновением его губ. У меня не было даже сил думать о том, что в машине вместе с нами находится Альберт. Но прежде чем рука Ронана дотянулась туда, где я ее жаждала – где она *нужна* была мне, – он замер, остановив поцелуй.

– *Нет*, – грубо сказал он мне в губы, его пальцы сжались на моем затылке.

Мы выдохнули друг другу в рот, тихие вдохи и русское «*нет*», витающее в воздухе. Его рука скользнула вниз по моей ноге, натягивая платье на приличную длину, а затем он отпустил меня. Напряжение свело его плечи, когда он вытер рукой губы и посмотрел в окно.

Замешательство вплелось в горячий зуд под кожей. Я понятия не имела, что только что произошло, и напряжение стиснуло мои легкие, пока я пыталась отдышаться.

Взгляд Альберта встретился с моим в зеркале заднего вида, в его холодных глазах мелькнула искра беспокойства.

Я вздохнула и посмотрела в окно.

Если бы то, что сказал Костя, было правдой, мгновение назад Ронан мог бы поступить со мной как со *«иллюхой»*. Я не знала, хватило ли бы у меня силы остановить его, пусть даже в присутствии Альберта. Но он не стал этого делать. Он остановился и одернул на мне платье до того, как все зашло слишком далеко.

После молчаливой напряженной поездки на машине Ронан проводил меня до моей комнаты. Когда мы дошли до моей двери, я повернулась к нему, затаив дыхание в ожидании. Его взгляд тяжелым грузом опустился на мою кожу, согревая меня. Прозрачность заполнила пространство меж белым мехом шубы и его отглаженным черным костюмом от Armani. Тоска, тихие вздохи и муляжные сердечки.

– Спасибо... за обед.

Его взгляд опустился на мои губы, и я выдохнула, когда подушечка его большого пальца прошла по моей нижней губе.

– *Клубника.*

Клубника?

Мой блеск для губ. Клубничный на вкус.

Его большой палец слегка оттянул мою нижнюю губу, прежде чем оставить меня, грубое скольжение породило жар, вспыхнувший внутри. Мой нежный взгляд встретился с его взглядом, и я с чувством убежденности поняла, что позволю ему сделать все, что угодно, если только он войдет в мою комнату.

С тем же успехом я могла бы сказать это вслух, чувство взрывной волной прокатилось по коридору.

Что-то ленивое и сексуальное сверкнуло в его глазах, а затем он взял ключ из моей руки и отпер дверь.

– *До свидания, котенок.*

Он опустил ключ в карман моей шубы, и я проследила, как удаляется его темный силуэт.

Глава десятая

nazlanmak (глагол.) – говорить «нет», имея в виду «да»

Мила

Я не видела Ронана два дня. Проводила время, думая о нем, играя в худшего частного детектива и стирая голосовые сообщения папы и Ивана.

Еда – предусмотрительно веганская – доставлялась как по часам все тем же подростком с дурными манерами. Это было облегчением, поскольку, во-первых, решало проблему моих ограниченных средств, а во-вторых, давало понять, что Ронан не забыл обо мне после того очень жаркого и сбивающего с толку поцелуя.

Я дважды ходила в оперу в более оживленные часы, но всякий раз, когда спрашивала кого-нибудь о своей матери, на меня безмолвно смотрели, крестились или просто отворачивались и уходили прочь. Это было по меньшей мере неприятно, но кроме того... Дезориентировало.

Единственной радостью было то, что я больше не видела человека с татуировками на руках и на улице проявляла больше бдительности.

Вернувшись с осмотра достопримечательностей, я закрыла за собой дверь. Со стороны можно было бы сказать, что желание найти информацию о матери было смято красотой города и мыслями о великодушном мужчине. Или, может, я просто тянула время из-за неприятного ощущения в животе: казалось, я открою ящик Пандоры, который уже не смогу закрыть.

Едва я сняла ботинки и повесила шубу, как раздался стук в дверь. Я знала, что это всего лишь ужин, но была ошеломлена, когда обнаружила, что Ронан принес его сам. Тепло и предвкушение устремились к низу живота, борясь с неуверенностью, вызванной тем, как мы расстались два дня назад.

– Привет, – сказала я на неглубоком выдохе.

Он улыбнулся.

– *Котенок*.

Когда я распахнула ему дверь, он вошел, его большое тело и само присутствие вытеснили воздух из комнаты. Он вошел в мой номер так, как будто владел им... может быть, так оно и было. Может быть, он был успешным владельцем отелей. Любопытство расцвело, но я сдерживала его. Я уже спрашивала, кто он, но отказывалась признать, что так нервничала из-за поцелуя, что не услышала ответ.

Он опустил сумку на стол у окна, и я сказала ему:

– Никогда меня не кормили так хорошо, как в последние несколько дней.

– Неудивительно, мисс Картошка Фри.

Он взглянул на мое лицо, затем опустил взгляд на пестрое платье цвета подсолнуха. Тонкая полоска кожи показалась между подолом и чулками до середины бедра, и один его взгляд туда заставил мое сердце сбиться с ритма.

Я прислонилась к комоду, пока он ходил по комнате, трогая мои вещи. «Ярмарка тщеславия» – на тумбочке, тубик клубничного блеска. Кончиком пальца он приподнял головную повязку. Очевидно, я была интересным созданием.

– Так вот где спит *мой котенок*, – сказал он, стоя у ног моей аккуратно застеленной постели.

– Тут не так удобно, как на диване в твоем кабинете.

Он бросил на меня ленивый взгляд.

– Звучит так, будто ты скучаешь по нему.

– Скучаю.

Разговор был практически безбидным, но недосказанность сжала мое горло.

Он сел на диван и пригвоздил меня тяжелым взглядом. Последние лучи солнца падали из окна на его фигуру в черном костюме, заставляя серьгу в форме голубого сердечка сиять в его пальцах.

Я потянулась к уху, чтобы понять, что там пусто. Он улыбнулся.

Я не знала, как давно потеряла сережку или как она попала к нему, но он ничего не сказал, просто крутил ее между большим и указательным пальцами. Его присутствие ошеломляло меня, с каждым вдохом мне становилось все труднее дышать.

– Тебе здесь нравится?

Я сглотнула.

– Очень.

– Что тебе нравится в Москве? Определенно не картошка фри. – Он развлекался.

Я задумчиво прикусила губу и потеряла свою подвеску.

– Архитектура. Яркие цвета и богатая история. Мне нравится, что каждый день я слышу колокола часовни, и то, что могу прожить тут хоть пятьсот лет, и все равно не увидеть всего. – На мгновение мои слова повисли в молчании, хотя, кажется, мы оба знали, что я еще не закончила.

Может быть, он жестко меня оборвет, но я должна была знать, что это было. Мне нужно было избавиться от извращенного, всепоглощающего чувства, которое я испытывала к нему. Мне нужно было *больше* до того, как это будет вынуждено прекратиться. Или, может быть, больше всего прочего от этого человека, который казался таким уважаемым, таким властным и живым, – это чувство принятия. Принятия каждого желтого мятежного сантиметра меня с сердечком на рукаве.

– И *ты*, – тихо добавила я. – Мне нравишься ты.

Он смотрел на меня напряженную минуту, затем его глаза потемнели.

– Тебя заводит ставить себя в неловкое положение?

Румянец пополз вверх по моей шее, и горячее чувство уязвимости сорвало с губ следующие слова.

– Ты знаешь, что меня заводит.

Воспоминание о том, как я терлась о его ногу, вспыхнуло и зашипело электрическим разрядом между нами, сжигая, как топливо, кислород в комнате. Взгляд, мерцающий между жаром и чем-то совершенно невеселым. Он опустил мою серьгу в карман пиджака и уперся локтями в колени.

– Бедра первых встречных, очевидно. Все американки так неразборчивы?

С тем же успехом он мог назвать меня давалкой. Внутри шевельнулось негодование, но я подавила его. По какой-то причине он пытался разозлить меня. Я знала, что он тоже чувствует нашу связь, и не хотела играть в игры – не с ним, не сейчас, особенно не после того, как меня отвергла половина города. Наэлектризованный воздух гудел, и я отпустила подвеску, чтобы опереться о край комода.

– Ты можешь отрицать сколько угодно, но мы оба знаем, между нами что-то есть.

Он прищурился.

– Ничего между нами нет. Поверь мне, Мила, если и есть «счастливые здесь и сейчас», я не тот случай.

Он произнес мое имя так, будто я молода, *глупа* и слишком незрела, чтобы распознать нечто настолько простое, как влечение. Если он хотел уязвить, у него получилось. Горечь опалила мои легкие, пока не вырвалась наружу резким обвинением.

– Может быть, я наивна, но могу распознать лжеца, когда вижу его.

Пауза стала единственным признаком его удивления, сменившегося ленивой улыбкой.

– Значит, в тебе все же есть огонь.

Он и понятия не имел, сколько во мне огня. Многие годы он прятался под спудом, словно вулкан, грохоча и давя на швы тесной одежды и ожиданий. Он был так близок к извержению, что меня прошиб холодный пот.

– Осторожнее.

Его предупреждение стало последней каплей. Он хотел увидеть огонь? Да будет так.

– Если ты пришел сюда лишь для того, чтобы предостеречь меня от себя, то *убирайся*. – Мои слова хлестнули воздух в комнате, разрядка вибрировала под кожей холодным адреналином.

Его взгляд стал жестче, тени в его глазах поднялись на поверхность.

– Никто не разговаривает со мной так.

Он сорвал пробку с бутылки, бродившей годами. Ответную реакцию уже нельзя было остановить. Даже внушительным и угрожающим присутствием на моем диване.

– Возможно, это твоя самая большая проблема.

– *Котенок*, – поддразнил он, мрачно усмехнувшись, – ты так озабочена моими проблемами, но понятия не имеешь, в какое дерьмо вляпалась.

Я не знала, о чем он, но точно знала: мне не нравится, как он оборачивает это против меня. В этой комнате лжецом был он. И мои следующие слова стали битвой воли, призванной заставить его признать правду.

– Ты тоже это чувствуешь, – настаивала я.

– Нет.

Будь это правдой, он не беспокоился бы о том, что я замерзну в этом холодном городе, не так ли? Мое расстроенное сердце послало мне волну энергии. Я подошла к окну и распахнула его. Затем прошла мимо него с шубой, которую он мне купил, полная решимости выбросить ее из окна. Но я не успела. Он вскочил на ноги, вырвал ее у меня из рук и бросил на постель.

– Хочешь поиграть? – Он почти рычал. – Хорошо, поиграем.

Может быть, он был прав. Может быть, в Майами меня не научили самосохранению.

Он схватил меня сзади за шею, развернул к себе и прижался своими губами к моим. Гнев все еще переполнял меня, и я толкнулась в его твердую грудь, но с тем же успехом могла попытаться сдвинуть стену.

– Не сопротивляйся, – грубо сказал он мне в губы. – У тебя не получится.

Я открыла рот, собираясь возразить, но он воспользовался этим, чтобы скользнуть языком внутрь. А потом я растворилась во влаге и жаре, всепоглощающая лихорадка извивалась и пульсировала в моих венах. Я приподнялась на цыпочки, чтобы дать ему полную свободу, чтобы прижаться своим телом к его. Я задыхалась, сжимая в кулаках его пиджак и притягивая ближе.

Он застонал и скользнул руками по тыльной стороне моих бедер. Я протестующе пискнула ему в губы, когда поняла, чего он хочет. Я была гибкой, но высокой – я не была легкой – и то, как легко он меня поднял, было невероятно сексуально.

Обвив его длинными ногами, я наслаждалась тем, как гармонируют наши тела. Он собственнически сжал обнаженную плоть моих бедер, издав сердитый звук, как будто много о них он думал и был зол на меня за это. Его ладонь скользнула под платье, схватив меня за задницу, когда он поднес меня к дивану и сел.

Я оседлала его бедра, прервав поцелуй, чтобы он смог стянуть платье через голову. Мягкий звук ткани, упавшей на пол, замедлил спешку наших движений.

Я покрылась гусиной кожей, когда он взглянул на меня. Кружевной край моих чулок, тонкие полоски белых стрингов, неглубокая впадинка пупка и мои груди, с каждым вздохом прижимающиеся к краям точно подобранного бюстгалтера.

– *Идеальная*, – резко сказал он.

Он подхватил меня за бедра, скользнув ладонями вверх. Тихий вздох сорвался с моих губ, когда тяжесть его прикосновений отозвалась истомой между ног. Он провел большим пальцем по желтеющему синяку на моей талии, в его глазах вспыхнула ярость. Вся борьба во мне умерла, словно ветер, отчаявшийся погасить пламя, оставив за собой нечто тяжелое и мягкое.

Его нежная ласка обвилась вокруг сердца и притянула к нему.

– Ты тоже это чувствуешь, – выдохнула я ему в губы.

Он прикусил мою нижнюю губу и ответил:

– Заткнись, – но без прежнего огонька.

Он ласкал обнаженные изгибы моей задницы, ощущение его ладоней на моей коже плавило нервы. Его губы спустились по моей шее к верхней части груди, и он прикусил кожу, прежде чем скользнуть грубой рукой под чашку бюстгалтера, чтобы сжать плоть.

Удовольствие пронзило меня насквозь, и я замурлыкала ему в шею.

– *Помни*, – его губы прижались к моему уху, – *ты это просила*.

У меня не было времени раздумывать над русскими словами, потому что он расстегнул мой бюстгалтер и снял его. Мои груди налились тяжестью, когда их коснулся прохладный воздух, и секундная застенчивость подняла свою уродливую голову. Я не знала, что творила с этим мужчиной: выберусь ли я отсюда целой и невредимой и хочу ли вообще выбраться. Мысль о том, что, возможно, я зашла слишком далеко, вызвала нервный трепет, но затуманенный, почти благоговейный взгляд его глаз, когда он провел большим пальцем по моему соску, зарядил меня новообретенной уверенностью.

Он склонился и втянул сосок в рот. Я застонала, уронив голову назад, и пробежала рукой по его волосам, сжимая их с каждым посасыванием. Влажный жар его рта отозвался жаром между ног, когда он перешел на другую грудь.

Мои груди легко умещались в его ладонь, но, кажется, он не возражал, учитывая то внимание, которое уделял им. Он сжал мои груди вместе, чтобы покусывать, лизать и посасывать обе поочередно. Меня окатила волна, такая горячая и неустойчивая, что я не знала, то ли оттолкнуть его, то ли умолять не останавливаться.

Горящий фитиль протянулся от тепла его рта к пылающей точке меж моих ног, которая с каждой секундой становилась все более влажной и чувствительной.

– *Больше*, – умоляла я.

Он выпустил сосок, слегка царапнув его зубами, и провел губами по моей шее.

– Чего ты хочешь?

Чего угодно.

Всего.

Я потерлась о его эрекцию с отчаянным стоном.

А потом его рука оказалась там, где нужна была мне, поглаживая мою киску через ткань и проводя большим пальцем по клитору.

– Этого?

Моя кожа вспыхнула вся, от ушей до кончиков пальцев.

Его большой палец скользнул под резинку моих стрингов, слегка потянув их вниз.

– *Сними их для меня*.

Я не знала, что он сказал, не знала даже, хотел ли он сказать это по-русски, когда прижался губами к моему уху и перевел приказ.

Дрожь пробежала по моим рукам, когда я спустила стринги вниз по бедрам, ерзая на его коленях, чтобы снять их полностью. Он выдохнул, его взгляд потемнел, когда устремился на самую сокровенную часть моего тела. Желание подступило к горлу, когда он провел руками вниз по моим бедрам, увлекая за собой и мои чулки.

– При виде твоих ног тем утром в моем кабинете у меня встал.

Боже, это было сексуально. Я понятия не имела, что он сидел за своим столом и у него был стояк. Он с самого начала находил меня привлекательной, и я наслаждалась этим фактом.

Я прижалась губами к его губам, хотя он подчинился лишь на мгновение, вновь отстранившись, чтобы оглядеть мое тело. Я была совершенно голой, а он даже не снял пиджак. В гостиничном номере, среди бела дня, это казалось чем-то грязным.

– Ты кончаешь со всеми первыми встречными? – спросил он, глядя с прищуром, полным жара, на мое тело.

До сих пор я была честна с ним и с таким же успехом могла продолжать и дальше.

– Никто другой не заставлял меня кончить.

Минутная пауза была единственным предупреждением, прежде чем он схватил меня за волосы, и вдох вырвался у меня, когда он оттянул мою голову назад за конский хвост. Я тяжело дышала, не сопротивляясь безжалостной хватке, державшей мою шею под углом к потолку.

– Не лги мне.

Я противопоставила агрессии слова.

– Ты здесь лжец, не я.

Через секунду он ослабил хватку на моих волосах, но когда его губы прошлись по моей шее, я поняла, что он мне не поверил. Его ладонь прижалась к моему клитору, слегка поглаживая его. Рука у него была грубой, и мне было достаточно этого. Я закусила губу, чтобы сдерживать стон.

Может, Картер смог бы заставить меня кончить, не будь его руки мягче моих, но, если подумать, наверное, нет. Я не испытывала ни малейшей страсти к Картеру, если сравнивать с тем, что испытывала сейчас.

Ронан посмотрел на свою руку меж моих ног и хрипло сказал:

– Могу поставить таймер и заставить тебя кончить меньше, чем за тридцать секунд.

– Хочешь кубок чемпиона?

Он схватил меня за подбородок и заставил смотреть ему в глаза.

– Хочу, чтобы ты сказала мне правду.

Судя по голосу и по тому, как сжал свои пальцы на моих щеках, он ожидал, что я успокою его измученную душу в ближайшие две секунды. Он скрывал правду, но требовал ее от меня. Как иронично. И раздражающе. Его ладонь двигалась извилистой дорожкой к моему клитору, и разочарование клокотало внутри. Он играл со мной, и я потеряла терпение.

– Хорошо. Хочешь правду? – огрызнулась я. – Если не заставишь меня кончить в ближайшие тридцать секунд, я найду кого-нибудь другого, кто сделает это.

Его рука замерла, и через секунду, растянувшись, словно ириска, он тихо хохотнул. Капля тьмы, отравляющая любое его веселье, заставила волосы у меня на руках встать дыбом.

– Так сладко, а потом – всепоглощающий огонь... – У меня перехватило дыхание, когда он прикусил мой подбородок, и когда его взгляд поднялся ко мне, он был так настойчив, что я похолодела. Я вздрогнула, когда он провел большим пальцем по моим губам.

– Считай, – приказал он.

– Что? – выдохнула я.

– Начинай. Обратный. Отсчет.

Он провел двумя пальцами по моей влаге и толкнул их внутрь меня. Я выгнула спину, впилая ногтями в его плечи и застонала от удовольствия и небольшой боли. Это было грубее, чем все, к чему я привыкла, но, казалось, это лишь сильнее разжигало меня.

– Твою мать, – пробормотал он. – Считай.

– Тридцать... – выдохнула я. – Двадцать девять...

Экстаз разлился по моим венам, словно наркотик, – ошеломляющий, захватывающий дух наркотик, – когда он скользил своими толстыми пальцами внутрь и наружу. Он потер точку глубоко внутри меня, горячее давление усилилось, мои глаза закатились.

Ронан шлепнул меня по заднице, напоминая о необходимости считать. Неожиданный шлепок обжег мою плоть, но также послал вибрацию к моему клитору, которая лишила меня способности делать что-либо еще, кроме как стонать ему в шею. Судя по гулу, вибрировавшему в его груди, ему понравилась моя реакция, хотя гул закончился циничным замечанием:

– Вслух.

В тот момент я забыла все слова, так что просто покачала головой.

Следующий шлепок был не таким приятным. Он был подобен ожогу, который вызвал у меня крик, а в его глазах появился холодный блеск. Я подумала, что он хотел улыбнуться, но этого не сделал. Лишь продолжал медленно трахать меня пальцами, пока раздражение в моем взгляде не сменилось полуприкрытым желанием. Когда мне удалось сказать: «Двадцать пять» – он успокоил ожог на моей заднице ладонью, растопив каждый мускул в моем теле, а затем проглотил вздох, сорвавшийся с моих губ. Поцелую не хватало изящества, пока я терлась о его руку, тяжело дыша и выдыхая цифры ему в губы. От надвигающейся разрядки у меня по спине побежали мурашки, а мы не дошли еще и до двадцати. Он никогда бы мне не поверил, если бы довел меня до оргазма меньше чем за десять секунд.

Холодный пот выступил у меня на коже, мои ногти впились в его бицепсы, пока я пыталась сдерживаться так долго, как только могла. Он укусил меня за шею.

– *Маленькая лгушишка.*

– Двадцать...

Я задрожала, огонь под кожей грозил вырваться наружу. Ронан даже не прилагал особых усилий, как будто знал, что для победы ему это не нужно. Я сама скакала на его пальцах. Это противоречило моей конечной цели, но я уже не могла думать об этом. Я стала такой мокрой, что не чувствовала никакого сопротивления. Влага стекала по его руке и моей ноге.

– Ты устраиваешь беспорядок, *котенок.* – Слова он выдавил сквозь стиснутые зубы.

– Прошу про... – Вздох прервал мои извинения, когда его пальцы сильно толкнулись, сжавшись в месте, которое заставило меня увидеть звезды.

– Пятнадцать, – грубо напомнил он мне.

Я покачала головой, не в силах ничего произнести.

Его большой палец надавил на мой клитор, а другой – скользнул внутрь. Дополнительное давление сбросило меня с обрыва. Вспыхнул жар, мое зрение затуманилось, сердце заколотилось, чтобы не отставать от обжигающей крови, пульсирующей во мне.

Его пальцы медленно двигались, входя и выходя из меня, пока я переводила дыхание, а звон в ушах утихал. Он не убрал руку, пока не выжал из меня последний импульс. Темное тепло разлилось по моему телу, насыщая меня так, как никогда раньше.

Пятнадцать затаивших дыхание секунд.

Он выиграл, а мне было все равно.

Я поцеловала его в шею, издав тихий звук признательности. Этот человек так хорошо пах, так по-мужски и непохоже на дорогие одеколоны Картера. Пьянящий аромат подействовал на меня словно укол дофамина.

– А теперь она мила. – Голос у него был мягким, но сдержанным. Он отвернулся от меня, будто хотел, чтобы я прекратила целовать его. Я слишком наслаждалась его жаром и блаженством, разлившимся по телу после оргазма, чтобы прекратить.

Провела пальцами по его эрекции, наслаждаясь ощущением плотности и твердости. Моя рука двигалась сама по себе, чтобы почувствовать каждый сантиметр, тогда как губы и зубы проводили дразнящую дорожку вниз по его шее. Вскоре он с шипением выдохнул и схватил меня за запястье, останавливая.

– Я не могу продолжать, если только мы не собираемся трахаться.

О.

Нерешительность ожила.

Была ли я готова к этому? Это не потребует особых усилий. Я могла бы расстегнуть молнию на его штанах, и он бы оказался внутри меня через секунду... это было бы так просто. Но что-то сдерживало меня. Тот факт, что он не хотел признаваться, что тоже чувствует нашу связь. Моя гордость не позволила бы ему получить от меня все, не получив взамен частичку его.

Мой взгляд встретился с его, и я знала, что он увидел в нем сопротивление. Издав вздох веселья и разочарования, он поцеловал меня в губы, а затем отодвинулся и встал. Голая и холодная, со все еще горячей ягодицей, я смотрела, как он идет к двери.

– Ешь, – потребовал он, а затем ушел, даже не взглянув на меня.

Глава одиннадцатая

zemblanity (суц.) – неизбежное открытие того, что предпочел бы не знать

Мила

Я шла по проходу, набирая полные руки закусок: попкорн, чипсы, что-нибудь сладкое и соленое. Очевидно, я питалась своими чувствами, а женщина за прилавком осуждающе смотрела на меня.

Я проигнорировала ее, схватив бутылку газировки со вкусом огурца, чтобы запить все это. После прошлой ночи неминуемая гибель – вернуться домой и надеть бриллиантовое кольцо от Картера – терзала каждую клеточку моего тела, но я не могла просто бросить свою жизнь навсегда. Не ради города, который был мне не рад. Даже не ради мужчины, который впервые в моей жизни заставил меня *чувствовать*.

Я не была настолько наивна, чтобы полагать, будто смогу удерживать внимание Ронана больше недели. Мысль о том, что я его больше не увижу, жгла грудь, как раскаленный уголь. Насколько было бы плохо, отдай я ему свою девственность?

Я должна была вернуться домой.

Это была единственная нерушимая вещь в моей жизни.

Я бросила свою ношу на прилавок. Кассирша выглядела совершенно невпечатленной моими покупками, но не сказала ни слова, когда пробил их.

Я расплатилась одной из последних оставшихся рублевых купюр, планируя навеститься к банкомату. Я больше не могла полагаться на щедрость Ронана. Это больше не казалось правильным.

Выходя, я с кем-то столкнулась.

– *Извините, пожалуйста,* – сказала я, наклонившись, чтобы поднять выпавший из сумки шоколадный батончик... но застыла, когда татуированные пальцы подняли его первыми.

Я была прекрасно знакома с руками Ронана, и это были не его пальцы.

Ледяной выдох вырвался у меня, когда я подняла взгляд на лицо мужчины. Это был тот человек, которого я дважды видела ранее. Его холодный взгляд коснулся моей кожи, распространя мороз под одеждой.

– Стоит быть осторожней, – сказал он с сильным русским акцентом.

Я сглотнула.

– Конечно. Прощу прощения.

Он посмотрел на собственнически сжатую в его руке шоколадку.

Сердцебиение застряло у меня в горле, ноги примерзли к тротуару.

– Поздно вато выходить на улицу такой юной девушке, – протянул он и, окинув меня взглядом, добавил: – Такой *красивой*.

Была всего половина десятого, но солнце село несколько часов назад. Наружные огни круглосуточного магазина сияли так ярко, что почти ослепляли, но страх окутал меня как тень.

– Видишь ли, в это время по улице бродят плохие люди. – Его внимание было приковано к шоколадному батончику, который он не спеша открывал. Он откусил кусочек, и его взгляд встретился с моим. – Мы бы не хотели, чтобы с тобой случилось что-то плохое, не так ли?

Я покачала головой.

– Тогда иди. – Он махнул мне шоколадкой, но я уже шла прочь, чувствуя спиной его взгляд. – Наслаждайся своими покупками... *Мила*.

Навязчивый звук моего имени на его губах сжал мои легкие. Я бесцельно брела по улице, не в силах избавиться от дурного предчувствия, коснувшегося моей кожи. Был вечер пятницы, на улице было много людей, но толпа мало помогала подавить мое беспокойство.

После остановки у уличного банкомата мне повезло увидеть такси, высаживавшее кого-то перед кинотеатром, и я скользнула на заднее сиденье до того, как кто-нибудь заметил, что машина свободна.

Водитель изрыгнул поток жалоб на русском: что-то о том, что он откатал ночь, и о своей матери, – но когда я протянула ему пачку наличных, закрыл рот. Он раздраженно смотрел на меня в зеркало заднего вида, пока я давала ему туманные указания, как добраться до ресторана Ронана. Я упомянула полное имя Ронана, как будто это могло помочь и, к моему удивлению, это помогло.

Раздражение исчезло, водитель посмотрел на меня так, будто у меня вдруг выросли рога.

– *Вы уверены?*

– *Да?*

Он пробормотал по-русски что-то похожее на «ненавижу эту работу», прежде чем завел машину.

Трясущимися руками я набрала номер Ивана. От нетерпения кожа покрывалась мурашками, пока шли гудки, а потом, в конце концов, звонок переключился на голосовую почту.

– Иван... – начала я, горло мое сжималось. – Я не понимаю, что происходит, но, думаю, ты прав. Мне кажется, кто-то, вероятно, следит за мной. Прости, что не поверила тебе... – Я сглотнула. – Я... Я познакомилась с человеком. Его зовут Ронан, он владелец ресторана. Я еду туда сейчас. Я пришлю тебе адрес, когда доеду. – Голос у меня дрогнул. – Я боюсь, Иван.

Я не знала, что еще сказать, так что повесила трубку.

Водитель умчался, как только я вышла и закрыла дверь, вероятно, спешил домой к своей матери. Тьма окутывала ресторан. Он выглядел закрытым, но дверь была не заперта, поэтому я толкнула ее и вошла внутрь.

Бармен с полотенцем через плечо настороженно наблюдал за мной, протирая бокалы. Костя сидел на табурете рядом с фойе, держа в руке телефон. Увидев меня, уставился тяжелым взглядом.

– Ронан тут? – спросила я.

Он задумчиво смотрел на меня долгую неуютную минуту, молчание покалывало под кожей, а потом махнул рукой в сторону коридора, так и не сказав ни слова. Бармен коротко и резко выругался. Мужчины обменялись парой слов, но я не задержалась, чтобы послушать.

Я прошла мимо кухни, пустой и темной. Остановившись перед кабинетом Ронана, я увидела, что он пуст, хотя дальше по коридору слышались мужские голоса. Холодок беспокойства вернулся, скручиваясь внутри, когда я заставила себя идти на звук. Дверь в служебное помещение была приоткрыта, и я осторожно открыла ее еще на пару сантиметров.

Мое сердце остановилось.

На металлическом складном стуле сидел мужчина со связанными руками. Его лицо было черно-синим, белая футболка залита кровью. Мой желудок скрутило, но смятение и ужас перешили голову кружение, пытавшееся лишить меня сознания.

Альберт стоял, прислонившись к задней двери, покуривая сигарету и наблюдая за всем со скучающим выражением лица. В комнате были и другие мужчины, но я видела только Ронана.

Он сидел, упершись локтями в колени, пробегая пальцами по острому краю ножа. Он говорил что-то, произнося слова тихо и по-английски. Его голос звучал иначе, чем тогда, когда он говорил со мной. Он был пропитан тьмой и трепетом. Такой голос наслаждался похотью, болью и контролем. Сквозь стук крови в ушах я различала его слова, складывая их вместе, словно пазл.

Это был кошмар, ставший реальностью.

Ронан спросил, нужен ли мужчине мизинец. Это прозвучало как риторический вопрос, но несколько человек подхватили шутку.

– Он может забыть размер своего члена, если не с чем будет сравнивать.

– Его жена будет скучать по этому великану, – сказал один из них, вызвав искренний смех в комнате.

Ронан улыбнулся.

– Полагаю, ей придется искать замену.

Мой взгляд затуманился, ужас комом встал в горле, когда Ронан встал и заставил мужчину положить на стол раскрытые ладони.

– Последние слова человека с десятью пальцами?

Мужчина стиснул зубы.

Ронан хохотнул.

– Да будет так.

Блеснув в свете, мизинец мужчины скатился со стола и с тошнотворным звуком упал на пол. Мучительный стон не заглушил моего вздоха ужаса.

Темный взгляд Ронана устремился ко мне.

Я не могла дышать, парализованная бессердечным, жестоким блеском его глаз, когда он вытирал нож о штанину. Меня накрыл горячий прилив адреналина.

Я побежала.

Зная, что в конце коридора сидит человек, я резко свернула направо, в темную кухню, заползла за стойку из нержавеющей стали и прижалась к ней спиной. В коридоре послышались тихие шаги, становившиеся все ближе. Слезы потекли по моим щекам, я закрыла рот ладонями, чтобы сдержать всхлип.

Страх сжал мои легкие, не давая вздохнуть.

– *Котенок*, – поддразнил он, тихое ласковое обращение прозвучало из темноты. Он не включил свет, и я знала, что это потому, что он наслаждался этой извращенной игрой в прятки.

Я поползла прочь от голоса.

Теперь я видела свет, падающий из служебной двери, расположенной рядом с баром. Грудь вздымалась в предвкушении. Внезапно я вскочила на ноги и побежала к ней, но не успела выбраться из темноты, как чьи-то руки схватили меня сзади.

Рука Ронана закрыла мне рот, заглушая мои крики, пока я боролась с его железной хваткой, и слезы застилали мой взгляд.

– Ты куда, *котенок*? – Его угрожающие слова прозвучали прямо в ухо. – Вечеринка только начинается.

Острый укол пронзил мою шею.

А потом тяжесть потянула мое сознание вниз, вниз... Пока все не утонуло во тьме.

Часть II

Хотите поиграть в игру с Дьяволом?
— Аноним —

Глава двенадцатая

faodail (сущ.) – счастливая находка

Ронан

Я бросил пустой шприц на пол, когда ее тело обмякло в моих руках. Я держал его в кармане с тех пор, как она налетела на меня в свою первую ночь здесь, и ждал подходящего момента, чтобы использовать его.

И это был чертовски *неподходящий* момент.

Злость прокатилась по мне горячей волной, когда я обхватил рукой ее ноги и поднял ее, длинный светлый конский хвост безжизненно повис. Под шубой на ней была юбка в богемном стиле с разрезом до бедра и блузка, не доходящая до пупка. Так непрактично для русской зимы.

Как всегда.

Ее голова уткнулась в мою грудь, на щеках блестели мокрые дорожки от слез. Я отвел взгляд от ее лица и обернулся, чтобы увидеть позади Альберта, настороженно глядящего на девушку в моих руках. Он был бесстрастен как лед, но я мог предположить, что едва заметный оттенок в его взгляде предостерегал меня от того, что я мог бы с ней сделать.

– Я заберу ее, – сказал он. Я был уверен, что он так и сделает.

В груди вспыхнуло раздражение.

– Ты пойдешь и уберешь там все с Адамсом. Весь пол в крови.

Я бы никогда не велел ему оттирать пол, но тот факт, что он хотел защитить эту девушку от *меня*... вывел меня из себя. На какое-то время она стала моей, и я, черт возьми, мог делать с ней все, что заблагорассудится.

Его пристальный взгляд вновь коснулся ее, прежде чем он молча подчинился.

Альберт был верен до мозга костей, ради меня он бросался под пули. Но когда Мила прилетела в Москву, я понял, что не могу доверить ее никому из своих людей. Первому придурку было приказано только напугать ее так, чтобы она метнулась в мои двери, а не попытаться изнасиловать ее, едва увидев. Может, мой моральный компас и сбился, но что-то в похищении избитой девочки с сотрясением мозга казалось... неуместным. Я гордился тем, что всегда поступал по справедливости, поэтому, естественно, тот, кто напал на нее, плавал в реке без единого зуба и пальца, по которым его можно было бы опознать.

– Андрей, – позвал я, проходя мимо него в подсобку.

Он вытащил изо рта зубочистку и последовал за мной к машине в переулке. Я положил свою ношу на заднее сиденье. Ее юбка задралась, обнажив слишком много сантиметров гладких, подтянутых бедер. У этой девушки было досадное нежелание носить брюки. Вместо того чтобы насладиться зрелищем, я испытал непреодолимое желание одернуть ткань и задаться вопросом, не так ли выглядит людская порядочность. Аж тошно.

Захлопнув дверь, я повернулся к Андрею.

– Если кто-то хотя бы взглянет на нее, убей.

Он сунул обратно в рот дурацкую зубочистку, взгляд его задержался на девичьих ногах, видных через окно.

Я стиснул зубы.

– Тебя тоже касается. У меня есть дела поважнее, чем наблюдать, как ты вышибаешь себе мозги.

Он коротко кивнул мне и отвел взгляд от окна.

Я направился обратно внутрь к Косте, который сидел на табурете в конце коридора, сосредоточившись на своем телефоне. Я остановился рядом, чтобы увидеть, что он играет в Candy Crush. Этот убудок был так поглощен игрой, что подпрыгнул, когда я заговорил.

– У тебя четыре драже.

Он опасливо посмотрел на меня.

– Где?

– Вон. – Я показал.

Он опустил на место красное драже и сглотнул.

– Спасибо, босс.

– Без проблем.

Затем я ударил его по лицу.

Он упал спиной на пол. Я оттолкнул с дороги стул и наступил на телефон, услышав, как он хрустнул, когда я прошел к Косте. Схватив его за рубашку, прежде чем ударить его снова, я с удовольствием почувствовал жжение в костяшках пальцев.

– У тебя, мать твою, должна быть веская причина, чтобы пропустить ее, – зарычал я.

Из его носа хлынула кровь.

– Она – отравы. Совсем как ее мать.

– Не веская причина. – Я вынул пистолет из-за пояса и приставил дуло к его голове.

Костя оцепенел.

– Ты слишком долго игрался с ней. Мы все видим, что она вонзает в тебя свои михайловские когти.

Да, может быть, я позволил этому продолжаться слишком долго, но, мать его, я принимал тут решения.

– *Мы?* Кто еще приложил руку к тому, что она пришла сюда сегодня?

Костя помедлил, и мой палец напрягся на спусковом крючке.

– Василий, – пробормотал он. – Он всего лишь напугал ее.

Раздражение поползло вверх по спине. Я терял терпение со своими людьми, когда дело касалось этой девушки. Но больше всего меня бесило то, что никто не имел права пугать ее, кроме *меня*.

– Считаешь, что справишься с моей работой лучше меня? – спросил я.

Чтобы сделать это, ему бы пришлось убить меня, а мы оба знали, что в этой битве ему никогда не победить.

Его челюсти сжались.

– Паша был моим братом.

Печальная правда заключалась в том, что я забыл имя парнишки, когда погрузил свои пальцы глубоко в Милу.

Может, она была отравой.

У меня в избытке были красивые женщины, но эта... Казалось, ее тело создано специально для меня. К сожалению, под совершенно американской внешностью чирлидера скрывалась реклама «Вудстока». Я ничего не имел против свободной любви, но сказать, что я не был тем, кто разбрасывает повсюду символы мира, было бы преуменьшением.

Мой таксист и наркодилер опознал Милу через несколько минут после того, как она вышла из аэропорта. С тех пор я узнал о целом ряде ее нелепых достижений: прощальная речь

на выпускном, капитан чирлидеров, волонтер в приюте для бездомных. Она даже организовала сбор средств для спасения горбатых китов, когда ей было пятнадцать. Если это не проясняло картину, то в ее престижной средней школе ее признали «наиболее вероятным претендентом на Нобелевскую премию».

Бог посмеялся надо мной, когда доставил мою месть прямо мне в руки, завернутую в идеальную, экологически чистую упаковку.

Хотя он, должно быть, не учел, что Мила практически умоляла меня воспользоваться ею.

С того момента, как она накинулась на меня, схватив за рубашку с невинным отчаянием, как будто я был единственный, кто мог дать ей то, чего она хотела, она возбуждала глубокий нервирующий огонь у меня в паху. Я бы солгал, если бы сказал, что это не повлияло на мои решения.

Я презирал себя за то, как сильно мне хотелось трахнуть дочь Алексея, но когда меня макали в мое же дерьмо, мне не нравилось это еще сильнее.

– Убирайся с моих глаз. – Я отпихнул от себя Костю. – Ты мне отвратителен.

Он поднялся на ноги, вытер кровь тыльной стороной ладони и исчез за дверью. Засовывая «Макаров» обратно за пояс, я стряхнул с плеч злость и вернулся в комнату.

– Альберт. – Я щелкнул пальцами. – Идем.

Он поднялся с корточек и бросил окровавленную тряпку на пол. Выйдя на улицу, я скользнул на заднее сиденье рядом с Милой, и, когда я приспособился к пространству, ее голова оказалась у меня на коленях. У нее были шикарные волосы цвета лета и пшеницы. Я потянулся запустить пальцы в ее конский хвост, но остановил этот порыв, когда понял, что за нелепость пришла мне на ум. После того как мне перевалило за тридцать, я стал отвратительно сентиментальным. Длинные светлые ресницы лежали на щеках, не тронутых макияжем. Полные приоткрытые губы. Она выглядела невинной и уязвимой... но так же выглядела и ее мать, настоящий ядовитый плющ, знаменитый своим голосом, хотя и скандально известный садомазохистскими наклонностями.

Какой бы наивной ни была Мила, она была достаточно проникательна, чтобы видеть меня насквозь и процитировать «Ворона».

Жаль, что ее мягкое сердце стало причиной ее падения.

Ее дыхание стало немного поверхностным, и моя грудь сжалась от мысли, что я ввел ей слишком много эторфина. Я похлопал ее по лицу. Она вздрогнула, как будто ее сон был нарушен, и неприятное чувство исчезло.

Мне было наплевать на эту девушку.

Просто не нравилось убивать женщин.

Хотя после того, как мы с братом наблюдали, как наша мать захлебывается собственной рвотой, это было не так уж странно. Некоторые женщины заслуживают смерти. Особенно моя мать. И Мила, раз уж на то пошло.

Альберт отвез нас в дом за городом. Это было как минимум в часе езды, и я задавался вопросом, что будет делать моя подопечная, если проснется до того, как мы приедем. Будет ли она плакать, умолять? Или покажет себя Михайловой во всей красе?

Досадуя, что не могу выяснить это прямо сейчас, я почти жалел, что накачал ее наркотиками. Но мне не хватило бы выдержки терпеть в машине истеричную женщину. Выбор был или усыпить ее, или придушить, пока она не потеряет сознание. Последнее было менее надежным, и что-то во мне протестовало против того, чтобы слушать, как она задыхается, хотя любой отпрыск Алексея заслуживал этого и даже большего.

Я вышвырнул его из Москвы в прошлом году. В этом городе мог быть лишь один хозяин, и я не хотел делиться. Я предполагал, что он отправитсялизывать раны в другое место, но этот убогодок был отъявленным неудачником. Изуродованное тело Паши появилось у меня на

пороге три месяца назад. Моя кровь все еще горела при одной мысли об этом. Это был пожар, который нельзя было потушить, пока я не получу голову Алексея.

Я не думал, что он был способен на какую-либо любовь, но, должно быть, он заботился о дочери, раз тайно растил ее в Америке. Как только он уступит, она будет свободна и поползет домой. А до тех пор...

– *Мой котенок.* – Я пробежал большим пальцем по ее приоткрытым губам. – Я говорил тебе, что этот город съест тебя живьем.

Я просто не сказал ей, что Москва и все, что в ней есть, принадлежит мне.

Глава тринадцатая

morosis (суиц.) – крайняя глупость

Мила

Рот казался набитым ватой. Прядь волос щекотала щеку. Я потянулась было почесаться, но замешательство затуманило разум, когда руки отказались двигаться.

Я с трудом открыла глаза, моргая из-за света, исходящего от телевизора в погруженной во тьму незнакомой спальне. Мое сердце забилося чаще, когда я увидела, что запястьями при-вязана к подлокотникам деревянного стула. Я дернула веревки, но тихий стон заставил меня перевести взгляд на стоявший на комодe телевизор. Я уставилась на сцену, разыгрывавшуюся у меня перед глазами, и к горлу подкатило отвращение.

Стон на экране исходил от *меня*, пока я сидела обнаженная на коленях Ронана и терлась о его руку.

Он записывал нас.

Видео было снято в моем гостиничном номере на камеру, которая могла находиться там все мое пребывание. Унижение скрутило живот, сжало сердце, словно выжатую тряпку, пока я наблюдала, как кончаю, содрогаясь, у него на коленях.

Затем видео начало проигрываться заново. Мне нравился Ронан.

Он был мне *небезразличен*.

А он всего лишь использовал меня.

Слезы затуманили взгляд, когда я отчаянно задержалась, пытаюсь избавиться от веревок на запястьях. И замерла, когда тяжелое ощущение чужого присутствия подсказало, что я больше не одна.

Ронан стоял перед дверью, полоска света веером падала из коридора. Его глаза, ширина плеч, черное на черном дорогой одежды поглощали тени комнаты.

«Тьма – и больше ничего».

Я процитировала это в самом начале. Что-то внутри меня всегда знало.

– Ты лишь навредишь себе еще сильнее. Я научился вязать узлы в тюрьме.

Безразличие в его голосе просочилось в мои вены, заставив кровь застыть. Я напряглась, когда он шагнул ближе. Его взгляд метнулся к экрану, чтобы увидеть, как я извиваюсь у него на коленях.

– Видео, как ты скачешь на моем члене, было бы лучше, но, несмотря ни на что, ты устроила замечательное представление, *котенок*.

Это был не тот человек, с которым я познакомилась на прошлой неделе. Теперь я поняла, что тот «щедрый» мужчина был всего лишь маской. Только больной мог касаться, *ласкать* меня, зная, что я – всего лишь пешка в какой-то извращенной игре. Как я была слепа. Глупая, наивная девочка, попавшая в объятия монстра.

Я вздрогнула, когда мои мышцы напряглись, все еще чувствуя острую боль от укола в шею.

– Что ты мне вколол? – выдохнула я, мой голос дрогнул.

Он прислонился к комоду и скрестил руки на груди, его плечи почти заслонили весь свет от телевизора. Только вчера его сила и габариты казались мне привлекательными. Теперь они приводили меня в ужас.

– Эторфин.

Звучало знакомо, и я вспомнила, где о нем слышала – в сериале «Декстер». Главный герой использовал эторфин, чтобы вырубать своих жертв, прежде чем пытаться их. Образы пил и оторванных конечностей заставили все волоски на теле встать дыбом, особенно после воспоминаний о том, как Ронан, не моргнув глазом, отрезал человеку палец.

Если у него было безумное желание искалечить меня, то зачем он нас снимал? А если он работал на торговцев секс-рабами, то зачем так долго поил меня вином и кормил? У него была масса возможностей похитить меня, включая первую ночь, когда я спала в его кабинете.

Все это казалось бессмысленным, и неизвестность леденила меня.

– Что тебе от меня нужно? – спросила я.

– Такой сложный вопрос, – сказал он, глядя на что-то маленькое, что он крутил между пальцев. Я знала, что это – моя серьга в форме сердца. – Как ты думаешь, чего я от тебя хочу? Я уставилась на него, мой пульс участился от неуверенности.

– Ты и правда понятия не имеешь, – протянул он, взгляд его светился весельем. – Очевидно, сейчас американки не так умны, как раньше.

Я была глупа. Я знала это и принимала. Но услышав это от него, почувствовала вспыхнувший во мне огонь.

– Просто скажи, что тебе надо, ты, психопат, – рявкнула я, дернув веревки на запястьях.

Блеск его глаз пронзил темноту, когда он оттолкнулся от комода, и я не смогла не вздрогнуть, когда он схватил мое лицо. Голос у него был низкий и тихий, и это напугало меня больше, чем если бы он закричал.

– Следи за тем, как со мной разговариваешь, или узнаешь, насколько я больной.

Дыхание у меня сбилось, но я не отвела взгляда. Русская рулетка.

Одно мгновение, и я буду мертва.

Может быть, это была бы более быстрая смерть, чем та, что он приготовил для меня.

Взгляд его предупреждал: *«Не играй в игры, в которых не можешь выиграть».*

Мой отвечал: *«Это не игра. Это ад».*

После напряженной паузы он отпустил меня.

– Ты, Мила, – всего лишь средство для достижения цели. Хотя не скажу, что мне это не понравилось. – Его взгляд метнулся к экрану, когда мои стоны стали громче. – Такой восторженный котенок.

Мой желудок скрутило, сердце болело так, словно его вырывали из груди. Я влюбилась в этого человека. Я хотела его, *чувствовала*. Я закрыла глаза, когда из темных уголков моего сознания выполз смех мадам Ричи, пульс участился, волосы на руках встали дыбом.

Я напряглась, когда почувствовала, как он обходит стул.

– Честно говоря, я ожидал большего от дочери Алексея. Я почти разочарован тем, как это было просто.

У меня открылись глаза во всех смыслах.

– Это из-за папы.

Он хохотнул, и от этого звука по спине прошла дрожь.

– Ты заслужила медаль за догадливость.

Ронан оперся предплечьями на спинку моего стула, заключив меня в клетку, и смотрел, как на экране я скачу на его пальцах. Комнату заполнило мое тихое дыхание и запись моих стонов.

Он склонился ближе, его голос проник в мои уши.

– Интересно, что подумает твой папа, если увидит это.

Отвращение пронзило мне вены. Он не мог быть таким извращенцем.

– Узнаем?

Когда он поднес к моему лицу сотовый, мое сердце упало при виде блестящего белого корпуса. Это был мой телефон. Я думала, что он исчез вместе с моим пальто, но теперь знала, что все это время он был у него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.